

У речки Незнамки капризный и вредный характер. И этот самый характер толкает её навстречу невероятным приключениям. За время долгого путешествия речка совершит немало глупостей, но в минуты опасности проявит лучшие свои качества: храбрость и доброту.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I, в которой речка узнаёт, что нет ничего невозможного

Глава II, в которой речка выходит из себя

Глава III, в которой речке не удаётся совершить подвиг

Глава IV, в которой речка спасается бегством

Глава V, в которой речка оказывается в океане

Глава VI, в которой речка становится обедом

Глава VII, в которой речка влюбляется

Глава VIII, в которой речка ловит такси

Глава IX, в которой речка узнаёт цену человеческих ошибок

Глава X, в которой речка совершает подвиг

Глава XI, в которой речка проявляет чудеса находчивости и фантазии

Глава XII, в которой речка задумывается о проблеме мусора

Глава XIII, в которой речка узнаёт, что люди могут испаряться

Глава XIV, в которой речка расстаётся с последними иллюзиями

Глава XV, в которой речка преодолевает страх высоты

Глава XVI, в которой речка замыкает круг

СКАЗКА О ВОРЧЛИВОЙ РЕЧКЕ

Глава I, в которой речка узнаёт, что нет ничего невозможного

Вдали от больших и маленьких городов бежала-журчала вредная-превредная речка. Только одна крошечная деревенька встречалась на её пути. Двадцать ветхих избёнок кучкой взгромоздились на высоком правом берегу, а на левом, в низине, раскинулся щербатый сосновый бор. Местные жители прозвали речку Незнамкой, потому что даже старожилы деревни не знали, откуда она течёт и куда впадает. Каждый, кто слышал это имя впервые, улыбался: всем оно приходилось по душе. Кроме самой речки...

– Лучше вовсе не иметь названия, чем такое! – часто жаловалась она своим приятельницам уткам. – Другое дело – Амазонка, Янцзы, Миссисипи, Волга! Эти реки всем известны, их имена есть на любой карте мира. А люди их уважают и даже боятся.

– Зато тебя вся деревня любит! – осмелился возразить на её причитания старый селезень. – Тётя Клава и баба Маша каждое утро идут к тебе на поклон.

– Глупый пучок перьев! – разозлилась речка. – Да разве они мне кланяются?! Это они, согнувшись пополам, черпают вёдрами воду для своих огородов. Иногда заходов десять сделают, и всё им мало! Бессовестно поливают мной картофельные грядки!

– А деревенские мужики! – вступила в спор тонкая, как трость, цапля. – Их от тебя силой не оттащишь: целыми днями сидят на берегу с удочками.

– Велика честь! – ещё больше возмутилась речка. – Знали бы вы, как мне надоели их небылицы. Всё лето пескарей с мизинец таскают, а байки травят про десятикилограммовых шук и амуров. Одна незадача – такой огромной рыбы во мне отродясь не водилось.

– А как же дети? – всплеснула крылышками уточка-мама. – Вот кто тебя действительно любит!

– Зато я не люблю детей, – перебила её Незнамка. – Какая от них польза? Только шум один. В салки в воде играют, плескаются, с тарзанки прыгают. И всё это с визгом, хохотом, плачем. У малышни вовсе нет ни стыда, ни совести: купаются без плавок, да ещё писают прямо в воду! Думают, никто не замечает. Как бы не так!

При этих словах Незнамка засмушалась и покраснела. Это вечернее солнышко спустилось хлебнуть перед сном водички и окрасило речку в огненные цвета...

*

С первыми утренними лучами Незнамка снова принялась за старое: журчать да ворчать. Речушкой она была совсем узенькой и мелкой. Когда детвора бросала через неё камешки и сосновые шишки, они почти всегда приземлялись на другом берегу. А взрослые легко переходили Незнамку вброд: на мелководье она лишь щекотала их за бока.

– Вот бы стать такой широкой, чтобы с одного моего берега не было видно другого, – забубнила Незнамка. – Чтобы ни у кого во всей деревне не хватило смелости меня переплыть!

В этот раз фантазии речки пришлось выслушивать большой серой жабе, словно склеенной неумелой рукой из наждачной бумаги. Она возлежала в тени камышей и

прищуренными глазами следила за своим многочисленным выводком. Маленькие головастики, похожие на жирные запятые, собрались у самого берега, где вода была тёплой и стоячей. Под присмотром мамы они беззаботно буравили зелёную пелёнку из ряски.

– Вот бы стать такой глубокой, чтобы моего дна не было видно. Чтобы весь сосновый бор, расти он в моём русле, скрылся бы под водой! – мечтательно прожурчала Незнамка.

– Но тогда ты будешь холодной, бурной и совсем непригодной для моих малышей, которым так нужны тепло и покой, чтобы превратиться в лягушек, – вежливо рассудила мама-жаба.

– А я не желаю разводить мерзких жаб и пиявок! – вскипятилась Незнамка. – Большой синий кит, дельфины, акулы и гигантские скаты – вот с кем я мечтаю дружить. Они красивые, сильные и большие. Не то что вы – мелюзга! Вас и люди-то презирают.

Любой другой на месте жабы обиделся бы и в отместку наговорил Незнамке всяких гадостей. Но пресноводная мамаша сохранила абсолютное спокойствие. Научись быть терпеливой и мудрой, если у тебя две тысячи детей! На несколько секунд она скрылась под водой, а вынырнув, вся заискрилась мокрой шкуркой, как драгоценный камешек, и сухо произнесла:

– Глупо мечтать о том, что невозможно...

– Нет ничего невозможного! – эхом донеслось с левого берега. Слова прозвучали так неожиданно, что речка и жаба на миг оцепенели, будто воришки, пойманные с поличным. Первой расхрабрилась Незнамка.

– Кто это так нагло влез в наш разговор? – заметно нервничая, спросила она. В ответ раздался громкий скрип и треск, словно тысячи мачт согнулись под напором девятибалльного шторма. Это в небывалое волнение пришёл сосновый бор, что много лет безмолвно стоял на песчаном берегу. Рыжие стволы сосен раскачивались из стороны в сторону, а их колючие кроны о чём-то бурно шептались.

Вдруг на ровную гладь речки легла длинная тень. Молодая сосна, гибкая и упругая, склонилась прямо над водой и заговорщически подмигнула Незнамке. Мудрая жаба сразу поняла, что ей лучше залечь на дно. За мамой большой чёрной тучкой дружно последовали головастики.

– С тобой хочет говорить наша прародительница, – вымолвила хвойная красавица и, таинственно выдержав паузу, продолжила. – Знай, что этим она окажет тебе большую честь. Это самая старая и почитаемая сосна в нашем бору. Все мы её дети, внуки или правнуки.

От волнения у Незнамки даже закружилась голова. Восьмилетний Ярик, шедший в тот момент вдоль берега, всей деревне потом растрезвонил, что видел посреди речки огромный водоворот...

Пересилив накрывшую её дурноту, Незнамка устремила к песчаной низине, откуда по-прежнему доносился звучный скрип. Но неожиданно лес замер. В абсолютной тишине Незнамка слышала только привычное журчание в своём животе.

– Мы долго совещались, стоит ли помогать тебе, – заговорил с речкой уже знакомый голос, – ведь ты груба, высокомерна и горделива. – Эти колкие слова вонзились в Незнамку, как миллионы сосновых иголок. Ей было до смерти любопытно взглянуть на собеседницу, но ту своими стволами и кронами заботливо скрывали от посторонних глаз многочисленные родственники.

– Я слышала, ты недовольна своей судьбой и хотела бы её изменить, – продолжила старая сосна. – Расскажи о своём желании, а я постараюсь тебе помочь.

Окрылённая тем, что её собрались слушать, Незнамка дала волю чувствам:

– Больше всего на свете я мечтаю стать частью огромного океана. Что я вижу из года в год на своих берегах? Однообразные и унылые пейзажи...

Тут Незнамка осознала всю нетактичность сказанного и запнулась.

– Я ничего не имею против сосен, – скороговоркой уточнила она, – но всё остальное ведь жуткая скукота! Другое дело – омыwać берега больших континентов. Погреться в жёлтых песках Африки и лизнуть холодный бок Антарктиды. Океан – вот где кипит настоящая жизнь! Его бороздят огромные лайнеры и военные крейсера. А я лишь вижу дырявые днища прогнивших лодок.

Неожиданно откровения речки прервал писклявый хохот. Это несколько юных сосенок не смогли удержаться от смеха.

– Не сердись на них, – донеслось из самой гущи леса. – Они молоды и глупы, как брёвна.

Самолюбие Незнамки было задето, но потребность высказаться оказалась сильнее. Она печально вздохнула и продолжила:

– Круг моего общения примитивен. Живёт в хатке один мало-мальски образованный бобёр, да и тот всё время строительством занят: ему, видишь ли, не до разговоров. Утки ещё хуже. До чего беспокойные создания! Ежеминутно перелетают с места на место – за ними не угонишься. Деревенских жителей тоже слушать скучно. У них одна погода да урожай на уме. Повидать бы других людей: японцев, например, или мексиканцев. Интересно, о чём говорят они. Я бы все морские страны посетила и выучила иностранные языки! А ещё подружилась бы с большой старой черепахой. Говорят, они живут до трехсот лет. Вот это, я понимаю, собеседница! За такой срок ума хочешь не хочешь наберёшься. А здесь, в глуши, жизнь протекает мимо меня, – грустно подытожила Незнамка.

– Если наше соседство тебе опротивело, это можно исправить, – с улыбкой в голосе произнесла старая сосна. – Есть у меня знакомый – жуткий дебошир и хулиган. Бывает, так раздухарится, что переломает в округе все трухлявые деревья, снесёт крыши с ветхих сараев, разорит вороны гнезда, лесную живность загонит в норы, а людей в избы. Стыдить его бесполезно: критику страсть как не любит и потом ещё долго на меня дует. Себя он называет Ураганом, что явное преувеличение. Люди говорят о нём проще – сильный, или штормовой, ветер. Обычно он бывает здесь в конце сентября. Днём покуролесит, а ночью отсыпается в наших кронах. Они ему, видите ли, взамен подушек. А ещё говорит: хвоей дышать полезно. Так что мы с ним, можно сказать, друзья. Как в следующий раз прилетит, я твою просьбу растолкую: так, мол, и так, речка хочет оказаться в океане. Думаю, это ему под силу.

Незнамка была настолько поражена услышанным, что не могла произнести ни слова. У неё жутко пересохло во рту, поэтому она не вымолвила даже «спасибо», которое так и застыло у неё на языке. Но старая сосна не ждала благодарности. Ей достаточно было видеть, как по речке побежала крупная рябь. Незнамка действительно очень волновалась, ведь всерьёз она никогда не думала, что её фантазии могут осуществиться.

*

После нескольких дней эйфории наступило мучительное ожидание. В голове у Незнамки потоком неслись тревожные мысли: не подшутила ли над ней старая сосна? И если нет, то не забудет ли она поговорить с Ураганом? Что сказать ему при встрече? И как отважиться на столь рискованное путешествие?

Всем на удивление, речка стала задумчивой и молчаливой. Даже журчала она теперь тише прежнего. Как никогда долго тянулись для неё летние месяцы. Мысленно она была уже за тысячи километров: взмывала на гребнях океанских волн высоко в небо и с визгом скатывалась вниз – шторм представлялся ей весёлым аттракционом. Гигантские корабли

отдавали Незнамке честь трёхкратным гудком, синие киты приветствовали её паровыми фонтанами, а белые чайки указывали путь к большим шумным портам...

Между тем вокруг неё тоже кипела жизнь. На летние каникулы в деревню приехало как никогда много детишек. До синих губ и носов плескались они в речке, строили на берегу шалаши из палых сосновых веток и с улюлюканьем изображали индейцев. При этом Незнамку они называли не иначе как Амазонкой.

«Ты, о великая и всё мОгущая река, – простирая руки к небу, взмолился конопатый Ярик, вождь храброго племени ягуаров, – защити нас и потопи пироги всех врагов. Сделай им шторм, и пусть они утонут! За это мы отдадим тебе всё наше золото!» Эта пламенная речь с накренившегося мостка была поддержана десятком звонких мальчишечьих голосов и наверняка бы понравилась Незнамке. Но она была погружена в собственные мечты и не слышала детских криков.

Пропустила она и такое трогательное зрелище, как появление на свет утят. Они вылупились в середине лета и уже через час после рождения выкатились пушистыми шариками на речную гладь.

Наконец, мимо неё прошло главное событие сезона: от удара молнии загорелся сарай тёти Клавы. Пламя вот-вот должно было перекинуться на дом. Но вся деревня дружно кинулась к речке с вёдрами и бидонами, и пожар удалось вовремя потушить. На следующий день тётя Клава накрыла для односельчан шикарный стол: сварила борщ, напекла пирожков с картошкой, не пожалела даже закрученных на зиму солений.

До утра жарко отмечали победу над огнём. Несколько тостов было произнесено в честь Незнамки. Дед Матвей вскочил со скамьи, чуть не расплескав стакан. «Если б не речка, все бы погорели! А так – успели, сладили. А без речки сидели б давно на пепелище. Вот что значит речка! – с важностью комиссии постановил он. – Неспроста же наши предки селились по берегам...» Развить эту важную мысль деду Матвею, правда, не дали. Звон стекла и всё нарастающий смех прервали его затянувшуюся речь.

А Незнамка тем временем баюкала себя очередными мечтами, и заслуженная похвала прошла мимо её ушей. С прежними знакомыми она больше не общалась. Единственно желанным гостем стал бы для неё Ураган, но он явно не торопился с визитом.

Глава II, в которой речка выходит из себя

Тем временем осень, как заезжий цирюльник, начисто побрила все деревья и уже собирала чемоданы. «Безобразие! И что мне прикажете со всем этим мусором делать?» – ворчала Незнамка, хмуро наблюдая, как на неё приводнялись сотни разноцветных листьев. Она фыркала, морщилась и ёжилась, всячески показывая, что их присутствие ей неприятно. Но листики лишь хихикали и, подхватываемые течением, уносились прочь в своё последнее путешествие.

И вот однажды, когда фантазии Незнамки окончательно уступили место отчаянию, появился Он. Лес вдруг заполнился треском. Осенние листья снова взмыли в небо, как стаи перепуганных птиц. Поднялась дорожная пыль, захлопали ставни, деревенские бросились загонять в сараи кур и закрывать парники. Незнамка очень долго ждала этого момента. Но вместо того чтобы обрадоваться – растерялась. Будто сердце опустилось на самое дно: в глубокий и топкий ил. А заготовленная и десятки раз произнесённая в уме речь теперь казалась бесконечно глупой.

Всю ночь она не сомкнула глаз, пытаясь отследить перемещение ветра. Казалось, он был повсюду, но познакомиться с ним так и не получилось. Сколько бы Незнамка ни кричала ему «здравствуйте» или «давайте познакомимся», он тут же уносил её слова в кишашую звуками темноту, оставляя их без ответа. Пробежав до самого рассвета, речка наконец сдалась и захрапела.

– Просыпайся, чудачка, – едва расслышала она сквозь дремоту, когда солнышко было уже в зените. – Плохо же ты стережёшь своё счастье!

Эти слова кто-то буквально вдул ей в ухо. Ещё не раскрыв глаз, Незнамка уже поняла, что это Он.

– Я вас так ждала! – радостно выпалила речка и уже была готова броситься Урагану на шею, но с изумлением обнаружила, что он абсолютно невидим. Она лишь чувствовала его прохладное дыхание и беспомощно хлопала ресницами в надежде разглядеть хоть что-то.

– Старая сосна рассказала мне о твоём дерзком желании. Оно ещё в силе? – спросил ветер, отчего у Незнамки защекоotalo в ушах.

– Нет-нет! Я не передумала! – поспешила заверить его речка.

– А знаешь, что если оставишь дом, то уже никогда не вернёшься обратно? – продолжил свой допрос Ураган.

– Вряд ли я когда-нибудь пожалею об этом, – уверенно произнесла Незнамка.

– Прежде я не делал ничего подобного, – сказал ветер и задумался. На несколько секунд воцарился абсолютный штиль. – Это будет стоить мне больших усилий. Трудностей я не боюсь – так даже веселее. Но вот деревня и её окрестности могут сильно пострадать. Ведь мы не оставим здесь камня на камне!

– Ради осуществления великой мечты всегда приходится чем-то жертвовать, – рассудила Незнамка, удивив собеседника своим хладнокровием.

Больше Ураган ни о чём не спрашивал и ничего не говорил. Но с каждой минутой становилось всё яснее, что он начал действовать. С быстротой и ловкостью опытного пастуха он согнал со всей округи тяжёлые грозовые тучи, будто это были робкие чёрные овечки. Они всё множились и множились, пока не разразились таким сильным проливным дождём, что Незнамка ничего не видела дальше собственного носа. «Ай-ай-ай!» – завопила она от боли, когда миллионы крупных капель забарабанили по воде. Речка ещё не знала, что эта пытка продлится долгих четыре дня!

*

Ветер всё больше свирепел, нагоняя ужас даже на самую Незнамку. Сосновый бор лхнул к земле колючими макушками с лёгкостью пшеничных колосьев. Старые и сухие деревья вырывало с корнем. Лесные птицы не смели подняться в небо и прятались в дуплах. Утки и цапли переживали непогоду в камышовых крепях. Мыши, ежи и лисицы сидели в норах. Всё живое даже хвостика не думало высунуть из укрытий.

Люди, не знавшие прежде такого сильного ветра, крепко перепугались за своё хозяйство. Тётя Клава кинулась накрывать брезентом луговое сено, но с ужасом обнаружила, что весь сноп давно раскидало по участку: жухлый клевер украсил даже забор.

У деда Матвея всё обстояло ещё хуже. Сильным порывом ветра с крыши его одноэтажного домика сорвало увесистый кусок шифера. Под образовавшейся дырой старик расставил все свои ведра и тазы. Опорожнять их приходилось каждый час, из-за чего вся ночь у деда Матвея прошла как боевое дежурство.

Детям строго-настрого запретили выходить гулять, и они сидели по домам, изнывая от безделья и скуки. У Ярика созрел дерзкий план: тайком пробраться к другу, который жил по соседству. Но побег не состоялся. Едва смельчак приоткрыл дверь, Ураган ворвался в комнаты и устроил там настоящий погром. На шум сорванных занавесок и звон разбившегося кувшина слетелась вся родня. Ярика с пристрастием отчитали и заставили наводить «идеальный порядок».

Ураган был доволен своей работой. Теперь никому бы и в голову не пришло назвать его простым ветром. Наконец все обращались к нему строго по имени. Правда, большей

частью проклинали. И было за что! Он оборвал линии электропередач, и деревня осталась без света. Повредил кровли сараев и крыши домов. Накренил заборы, перевернул беседки, садовые столы и лавки. К счастью огородников, урожай был давно собран, а вот накрытые лапником розы и клематисы Ураган бесцеремонно оголил и переломал.

С Незнамкой в это время творилась большая метаморфоза. К концу четвёртого дня уровень воды в ней поднялся до невиданных прежде значений. Речка вышла из берегов и ринулась на ближайшие деревенские участки. Под водой оказались гнёзда уток и цапель. Хатку бобра тоже затопило со всеми его запасами на долгую зиму. Друзья Незнамки молили её о пощаде, но она уже не подчинялась себе. Речка была целиком во власти Урагана. Она чувствовала вину за то, что принесла близким столько горя. И одновременно – упивалась своим могуществом.

*

На пятый день Ураган достиг своего апогея. Речка уже сама мечтала о покое и даже была согласна прекратить жуткий эксперимент. Но в этот момент в ней всё забурило и запенилось. Испуганная Незнамка впервые увидела, как из её недр стеной вырастают гигантские волны и шумно разбиваются о песчаные берега. Словно могучая рука подпирала её спину и толкала вперёд, всё дальше и дальше, прочь от деревни и соснового бора. Пейзажи менялись так стремительно, как будто Незнамка села в экспресс-поезд. От такой скорости ей даже стало дурно, и она, укачанная и ошеломлённая, закрыла глаза.

Больше суток страдала она от головокружения и тошноты. И когда уже казалось, что этот мучительный бег в неизвестность вот-вот её погубит, речка, словно по волшебству, очутилась в прекраснейшем городе. Она неслась под пролётами мостов, которым не было числа. Каменные, железные, чугунные. С кружевными решётками и фонарями, скульптурами и башнями. Некоторые – низкие и маленькие – Незнамка легко могла пощекотать за брюхо, другие были такими гигантскими и высокими, что речка подолгу держала голову запрокинутой, чтобы рассмотреть их многочисленные арки, величественные опоры и раздвижные механизмы.

Особенно понравились Незнамке гранитные набережные. Они вселяли в неё приятные чувства надёжности и порядка. Берега были усыпаны архитектурными шедеврами: соборами, дворцами, усадьбами, парками. «Вот где я бы хотела жить!» – мелькнуло в голове у Незнамки. И в тот же момент Ураган шепнул ей на ухо: «Это Санкт-Петербург. Он стоит на реке Неве. А она впадает в Балтийское море. Туда мы сейчас и направимся». Речка даже задумалась: не остаться ли ей в этом сказочном городе. Но обсудить это с Ураганом не получилось, ведь он уже во весь дух мчал её к Финскому заливу.

Глава III, в которой речке не удаётся совершить подвиг

После нескольких часов виртуозного лавирования между банками и мелями, скалистыми островами и заброшенными фортами Незнамка наконец очутилась на просторах Балтики. Необычным было всё: вкус соли на губах, метровые волны и тёмные глубины, опрятные приморские городки со средневековыми замками и крепостями, смешные мордочки нерп и тюленей. В голове Незнамки снова забродила мысль: «А не остаться ли здесь?» Но сначала она решила спросить местных обитателей, хорошо ли им живётся.

Как раз невдалеке сбился в огромный шар косяк шпрот. Речка с удивлением наблюдала, как тысячи маленьких блестящих рыбок двигались абсолютно синхронно,

словно одно целое. «Они, наверно, очень дружны, раз так хорошо ладят и действуют согласованно», – решила Незнамка и даже прониклась к шпротам уважением.

Пока Ураган переводил дух, речка направилась к живому шару, который сверкал, как гряда столового серебра.

– Разрешите полюбопытствовать, – обратилась к шпротам Незнамка, – как вам живётся в Балтийском море?

К её удивлению, косяк рыб тут же пришёл в открытое негодование.

– Вот нахалка! Какая бестактность! Сразу видно – чужеземка, – закричали ей в ответ шпроты, перебивая друг друга. – Уходи, откуда пришла, и не лезь в душу! Надо же такое спросить у самых несчастных на свете созданий.

От таких грубых слов Незнамка даже стушевалась, но потом собралась с духом и осмелилась задать ещё один вопрос:

– Почему же вы, рыбки, несчастны?

Для шпрот это стало последней каплей. Незнамка словно потревожила рой злющих пчёл. Серебряный шар забился в конвульсиях. Каждая рыбка что-то кричала, раздувая жабры и выпуская сотни пузырей. Но кое-что из этого жуткого галдежа речка смогла разобрать.

Оказалось, что шпроты живут в постоянном страхе. И вместе они собираются вовсе не из любви друг к другу, а потому что так проще защититься от врагов. А их у шпрот великое множество. Ведь почти все считают их своей едой: тюлени, акулы, дельфины и даже человек! Сейнеры и траулеры круглый год бороздят море в поисках этой маленькой рыбки. Вот и получается, что шпроты – самые несчастные обитатели Балтики.

*

Неожиданно нарастающий шум мотора прервал невнятный галдёж рыбок. В ожидании красивого многопалубного лайнера Незнамка расплылась в улыбке. Она давно мечтала подружиться с большим белым кораблём. Но вместо него над головой речки выросла какая-то страшная ржавая посуда, утыканная неказистыми кранами и лебёдками. Позади неё чёрной фатой тянулась рыболовная сеть. Только теперь сквозь тарахтение мотора речка распознала жалобные стоны и крики о помощи. Это миллионы килек попали в смертельный сачок. Нижняя кромка невода уже стянулась, и путь для побега был отрезан.

В длинном списке желаний у Незнамки числился подвиг. И вот наконец представилась возможность его совершить. Но в одиночку речке было, конечно, не справиться, и она кинулась к шпротам.

– Скорее! Плывите сюда! – закричала она, удивляясь своему командному голосу. – Давайте вместе раскатаем невод и попробуем освободить бедняжек!

Теперь шпроты не стали ни спорить с Незнамкой, ни ругать её, а молча развернулись к ней хвостами и через мгновение превратились в серебряную точку на синем фоне.

– Здесь свои порядки и законы. Безднадёжное дело – пытаться их изменить, – грозно захрипел над волнами Ураган.

– Но ведь ты такой сильный! Ты можешь одним ударом перевернуть судно! – взмолилась речка.

– И тем самым наделать ещё больше бед! – окончательно рассвирепел ветер.

– Ваш товарищ прав. Даже если их спасти, уже завтра эти безмозглые рыбёшки снова попадут в сети.

В поисках автора этой горькой реплики Незнамка завертела головой и чуть не уткнулась носом в мясистые губы большой старой трески. Речка хотела упрекнуть её в жестокости, но, почувствовав на себе неодобрительный взгляд Урагана, вступить в спор не решилась. Тем временем невод подняли, и трюмы судна до отказа заполнились килькой.

Видя искреннее отчаяние Незnamки, треска прониклась к ней сочувствием и решила смягчить тон:

– Вижу, вы в Балтике впервые. Мужайтесь, мой юный друг! Жизнь здесь крайне сурова.

– А я всегда думала, что рождённые в море – счастливы! Что всё их свободное время заполнено приключениями, интересными встречами и невероятными находками! – запротестовала речка.

– Невероятных находок здесь действительно много! – язвительно засмеялась треска, и усик на её подбородке словно ожил. – Всё дно усыпано бомбами и снарядами Второй мировой войны. Повсюду лежат бочки и контейнеры с химическим оружием. Они давно проржавели, и тонны отравляющих веществ попадают в воду!

На речку эта информация произвела шокирующий эффект. Вопрос, оставаться в Балтике или нет, решил тут же. А треска продолжила свой неутешительный рассказ:

– Ещё лет десять назад мы были хозяевами этого моря. А сегодня, вы видите сами, я плаваю в полном одиночестве. Уже несколько месяцев я не встречала своих сородичей. Страшно становится, как подумаю, что мы можем совсем исчезнуть.

Незнамке стало жаль эту мудрую и красивую рыбу с чёрными крапинками на зеленовато-серой спине. С минуту подумав, речка постановила:

– Вам надо немедленно перебраться в экологически чистый водоём. Ведь вы заживо себя хороните!

Треска снова расплылась в грустной улыбке и, вздыхая, ответила:

– Я бы с радостью поселилась далеко-далеко от цивилизации, в какой-нибудь маленькой речушке с чистой проточной водой. Наслаждалась бы уединением и покоем. Никаких траулеров, нефтяных пятен, газопроводов и затопленных кораблей с химическим оружием...

Со слов трески получалось, что прежде Незnamка жила буквально в райском месте. Впервые она затосковала по дому. Вспомнила, какими красивыми и нетронутыми были её берега, а чистейшее дно можно было рассматривать во всех подробностях даже на самой большой глубине. Сглотив подступивший комок горечи, Незnamка снова обратилась к треске:

– Так чего же вы ждёте! Любая речка примет вас с радостью. Или плывите с нами в Атлантический океан. Мы с Ураганом как раз туда направляемся.

– Спасибо за участие, – сдержанно поблагодарила треска, – но к сожалению, всё это невозможно! Пресная речная вода погубит меня, а путь до океана слишком долгий и трудный. Для такого опасного путешествия я уже стара.

Незнамка была очень огорчена таким ответом. Ещё одна спасательная операция потерпела фиаско, даже не начавшись.

Молча, с грустью в глазах Незnamка и треска расстались. Лишь Ураган, который не встревал в их разговор, был, кажется, рад, что речка получила суровый урок.

– Не вешай нос, подруга! Мы уже близки к финишу! – весело просвистел он и, обхватив Незnamку за плечи, покатыл её по волнам с всё нарастающей скоростью. Ей ничего не оставалось, как снова крепко зажмуриться и довериться ветру.

Глава IV, в которой речка спасается бегством

Следующие два дня речка скользила по синей глади с ловкостью моторной лодки. Хотя море оставалось спокойным, а небо безоблачным, она быстро утомилась и уже мечтала об очередном привале. Блики от яркого солнца слепили ей глаза, а держать их постоянно закрытыми было смертельно скучно. Ещё больше Незnamку угнетало отсутствие берегов. Огромная масса воды стелилась до горизонта: будто поглотила всю планету.

Незнамка затосковала по деревенским пейзажам, которые прежде казались ей такими унылыми. Теперь она старательно и кропотливо выманивала их из памяти.

Вот зелёный луг с белыми, жёлтыми и голубыми пятнами цветов. Запахи, что приносит оттуда ветер, не сравнятся с лучшими французскими духами. А звуки! Удивительно, как маленькие птички так громко щебечут. Их песенки всегда приятны слуху. Они словно обволакивают сердце в мягкий пух и делают его нежнее. Как бы Незнамка хотела сейчас услышать трель соловья или чириканье синички. Уловить хотя бы одну привычную нотку: пусть даже кваканье лягушки или писк комара...

Но вместо этого тишину пронзил победоносный возглас Урагана:

– Вот и добрались до Северного моря!

– Как же так! – не поверила Незнамка собственным ушам. – Мы же должны были приплыть в Атлантический океан! – и расплакалась, как плачут дети, которым обещают аттракционы, а ведут к зубному врачу.

– Я предупреждал, что наше путешествие будет нелёгким. Попасть из Балтики в Атлантический океан можно только через Северное море, – затараторил Ураган. Он сильно нервничал, потому что очень боялся женских истерик и слёз. – Не волнуйся, скоро мы снова двинемся в путь. А пока я всего на пару часов оставлю тебя одну.

К обиде, что с головой захлестнула Незнамку, теперь прибавился страх. Чтобы её успокоить, ветер тут же пояснил:

– Я буду на скалах ближайшего острова. Там я немного посплю, ведь я уже два дня не смыкал глаз. А ты пока осмотри окрестности. Северное море омывает берега Англии, Норвегии, Бельгии, Голландии, Германии и многих других живописнейших стран. Тебе не придётся скучать!

*

Незнамка утёрла слёзы и решила поискать берег или на худой конец остров, ведь она так соскучилась по суше. Правда, задача эта оказалась непростой. Густой туман завладел морем, и речка погрузилась в непроницаемую дымку. Для Незнамки туман был не в новинку. В деревне она часто просыпалась словно под большой накрахмаленной простыней.

«Да что ж это за безобразие! – тут же начинала причитать она. – Опять ничего не видно! Какое вероломство – нападать на спящих!» Но вскоре туман рассеивался, и речка втайне жалела об этом. На самом деле она любила туман. В нём было очень удобно мечтать. Воображать на своих берегах большую пристань, к которой швартуются остроносые яхты. А противное карканье ворон выдавать за крики галантных чаек...

Но морской туман был совсем другим: холодным, тяжёлым, липким, и в нём Незнамке мерещились одни кошмары. Полчаса она брела в неизвестном направлении, борясь со страхом, пока не увидела настоящее чудовище! Его очертания проступили на белом фоне безобразной кляксы.

Вместо того чтобы повернуть обратно, Незнамка остановилась, словно заворожённая. Прищуривая глаза, она пыталась навести резкость и рассмотреть призрак. Как смогла разглядеть речка, у него было пять или шесть тонких лап и прямая длинная шея. Больше всего Незнамку впечатлил размер чудища. Она много слышала об огромных кашалотах, китах и акулах, но этот гигант затмевал их всех. Плыли облака, шумно дышало море, а он стоял неподвижным монолитом. Его многотонное брюхо зависло над водой, как бунгало на сваях. Он опирался на воду словно на твердь. Ни волны, ни ветер были ему нипочём.

Туман стал понемногу рассеиваться, и Незнамка окончательно убедилась, что чудовище никакой не мираж. Так же ясно она поняла, что борьба с ним – абсолютное безумие и даже удачное бегство в случае обнаружения очень сомнительно. Пока

страшилище, как казалось речке, дремало, она пустилась наутёк. Незнамка торопилась отыскать Ураган и попросить у него защиты. На её удачу, вдали завиднелась скала, формой напоминавшая плавник акулы. Незнамка что было мочи рванула туда.

Один лишь вопрос беспокоил её всю дорогу: отчего утёс такой белый, словно весь покрыт снегом, ведь сейчас не зима? И только приблизившись к обрывистому берегу вплотную, Незнамка получила ответ. Всю скалу, от самой вершины до подножия, мокрого от волн, облепили птицы с белым как снег оперением. Лишь кончики их крыльев предательски чернели, будто их окунули во флакон с тушью.

– Милые птицы, – поторопилась задобрить незнакомцев речка, – не останавливался ли на вашем утёсе ветер?

– Нет, не видали, – почти хором ответили они. – Мы и сами ждём восходящих потоков, чтобы взлететь повыше и нырнуть поглубже.

Последняя фраза удивила речку, и она рассудила вслух:

– Из всех пернатых, что ныряют, я знаю только уток.

Такое сравнение вызвало в колонии целый шквал негодования. Тысячи глаз со злобой впились в Незнамку. У всех птиц они были мутно-голубыми с ярко-синей окантовкой, отчего их взгляд казался безумным. И крик они подняли точно как сумасшедшие!

– Утки – это ошибка природы! – гоготали одни.

– Толком ни летать, ни нырять не умеют! – смеялись во весь клюв другие.

Большая жирная птаха с чуть пожелтевшими перьями протиснулась на своих перепончатых лапах к самому краю утёса и прохрипела прямо над головой речки:

– Вот нас, северных олушей, господь не обделил. Мы птицы голубой крови! Парим в воздухе часами и ныряем на глубину пятнадцать метров!

Видимо, чтобы продемонстрировать свои умения, толстушка расправила длинные крылья, поднялась высоко над скалой и, сложившись зонтиком, с огромной скоростью спикировала вниз. Незнамка даже похолодела от страха: ей показалось, что эта безумная олуша непременно разобьётся! Но она, к радости и удивлению речки, виртуозно, почти под прямым углом вошла в воду и уже там окончательно потрясла воображение Незнамки.

Галсами она проскользила на глубину восемь метров, где настигла нерасторопную сельдь. С добычей в клюве олуша рванула в обратном направлении, помогая себе полусложенными крыльями и мощными ногами. Её обтекаемое тело формой напоминало истребитель, а сама операция — военное учение. Когда олуша вынырнула на поверхность, искрясь на солнце мокрым оперением, Незнамка не могла отвести от неё восторженных глаз. «И как я прежде водилась с этими неуклюжими утками! – промелькнуло в её голове. – Стыдно кому сказать, что мы были друзьями!»

*

Туман окончательно рассеялся, воздух стал прозрачным, и снова обнажилась бескрайность моря. А вместе с ней на горизонте засияла в солнечных лучах гигантская шея проклятого чудовища. И о ужас, из его пасти вырывался огонь!

– Так это дракон! – запаниковала Незнамка. – И он, конечно, умеет летать!

От страха её голос надломился.

– Спрячьте меня за свой утёс! – прохрипела она с мольбой, обращаясь к колонии олушей.

– О ком ты? Кого ты так испугалась? – коверкая слова, поинтересовалась уже знакомая Незнамке птица. Пойманная рыба всё ещё билась в её серо-голубом клюве и мешала говорить. И вдруг, не дожидаясь ответа, олуша принялась не то смеяться, не то

кашлять. Она обхватила крыльями живот и, содрогаясь от новых приступов, с трудом процедила сквозь слёзы: «У-ми-ра-ю! У-ми-ра-ю!»

«Подавилась!» – ужаснулась Незнамка, ведь в запрокинутом клюве несчастной торчал чёрный хвост селёдки. Речка уже хотела позвать на помощь других птиц, но услышала новую и всё в корне меняющую реплику: «Умираю, умираю от смеха!» Незнамке потребовалось несколько секунд, чтобы осмыслить эти слова.

Тем временем олуша практически успокоилась, и только её раскрасневшиеся и влажные глаза говорили о пережитом приступе смеха. А селёдку она благополучно проглотила, даже не поперхнувшись.

– Давно я так не смеялась, – наконец вымолвила птица. – Ты приняла за дракона буровую платформу. Она стояла здесь, у берегов Шотландии, ещё до моего рождения. Эта штука извлекает из морского дна нефть, которую отправляют на сушу по путепроводу. Он как раз лежит под тобой.

До Незнамки наконец дошёл смысл этих объяснений, и теперь уже она покатилась со смеху – да так, что даже разыкалась. Чуть успокоившись, речка опустила глаза и через толщу воды увидела слабый силуэт безобразной стальной трубы.

– В том, что это чудовище, меня окончательно убедил огонь на вышке, – попыталась оправдаться Незнамка.

– Это так называемый попутный газ, – с интонацией учителя пояснила олуша. – Он тоже добывается из земли, но его сразу сжигают, иначе случится большой взрыв. Моя бабушка рассказывала, что однажды видела на похожей платформе пожар, и это было ужасное зрелище!

– Вот это да! – невольно восхитилась Незнамка.

Подстёгнутая интересом к своему рассказу, олуша важно продолжила:

– А я лично была свидетелем крушения танкера. Недалеко отсюда он сел на мель, и сотни тонн нефти вылились в море! Тогда погибло много моих друзей. Они перепачкались в этой чёрной вязкой жиже и не смогли взлететь...

Очередной смешок буквально застрял в горле Незнамки. Её весёлое настроение сменилось состоянием искренней печали. А вот олуши явно не хотелось грустить. Поняв, что её собеседница теперь на совсем другой волне и начнёт сейчас размышлять на тему загрязнения окружающей среды, олуша взмыла в небо, даже не попрощавшись. Она направилась к утёсу и ещё на подлёте закричала другим птицам: «Вы сейчас умрёте от смеха! Та, что обозвала нас утками, приняла нефтяную платформу за дракона!»

Вся колония дружно загоготала. Этот противный звук разнёсся на несколько сотен метров вокруг. Казалось, даже скала затряслась от хохота. «Какая подлость – выставить меня перед всеми душой!» – пробубнила себе под нос Незнамка и отвела от утёса глаза. Она была очень расстроена и поторопилась уплыть от этого места как можно дальше.

«Мои подруги утки не такие смелые и ловкие, как олуши, но они никогда меня не дразнили и всегда относились ко мне с уважением», – рассудила речка. Она снова поймала себя на мысли, что заскучала по родным берегам и старым знакомым.

«Думаю, они очень на меня обижены. Ведь я лишила их дома. Бобёр, наверное, перебрался в соседний пруд, цапли и утки разлетелись, а вот несчастным рыбкам деваться было некуда. Они так и остались погибать без воды. Зато у деревенских выдалась рыбная неделя...» – грустно пошутила Незнамка. Она представила, как мужики идут по её высохшему руслу и голыми руками собирают в лужицах окуней, бычков и карасей... «Эх, и натворила же я дел!» – вырвалось у речки искреннее раскаяние.

– Вот ты где! А я тебя обыскался, – вдруг услышала она заspanный голос ветра.

Ещё каких-то десять минут назад Незнамка мечтала о его скорейшем появлении. Но теперь, когда она так заскучала по дому, Ураган из героя превратился в злодея, который навеки разлучил её с друзьями.

– Смотрю, ты совсем не рада меня видеть, – ехидно заметил он. – Но не переживай, терпеть моё общество осталось недолго.

Больше в тот день Ураган не проронил ни слова. Он опять штурмовал море, и под его напором Незнамка неслась сквозь холодную толщу воды, воображая себя Гольфстримом.

Глава V, в которой речка оказывается в океане

На следующее утро сквозь туман, снова взявшийся из ниоткуда, Незнамка с трудом разглядела сначала скалистый мыс, а затем бесконечную кривую песчаного берега. Это были дикие пляжи и дюны французского Ла-Манша.

– Под этим каналом не так давно прорыли туннель. В нём курсируют поезда из Европы в Англию и обратно, – прервал целые сутки молчания Ураган, так как ему очень хотелось продемонстрировать свою осведомлённость. – Только вообрази, сейчас под нами проносятся вагоны с людьми!

Незнамка совсем не удивилась услышанному, из чего Ураган сделал вывод, что она полностью исключала возможность такого чуда. А вот появление в фарватере пловцов её действительно ошарашило. В ластах и цветных шапочках одиннадцать безумцев покоряли пролив в его самом узком месте.

– Этим людям вечно неймётся. Только путаются под ногами! – заворчала Незнамка. – Когда я жила в деревне, местные тоже всё время шастали с одного берега на другой без всякой нужды!

– А я их уважаю! – решительно возразил Ураган. – Ведь они похожи на нас с тобой: такие же бунтари!

И чтобы не навредить пловцам, он даже притормозил, как автомобиль, пропускающий пешеходов.

– Да что их жалеть. Покажи им, кто здесь хозяин! – приказным тоном потребовала речка. – Нагони высокие волны, пусть эти выскочки поворачивают к берегу.

Такого каприза Ураган, конечно, не стерпел.

– А вот оставлю-ка я тебя здесь, несмотря на наш уговор! – пригрозил он.

Это моментально подействовало: Незнамка закусила язык и даже фальшиво улыбнулась вслед уплывающим шапочкам.

А всего через пару часов речка воочию увидела океан. Она так давно и фанатично об этом мечтала, что заплакала от радостного потрясения. Со всей горячностью она бросилась к океану в объятия. Но он даже не заметил её порыва. Счастливые слёзы моментально стали горячими.

– Не бери в голову, – сочувственно прошептал Ураган ей на ухо. – Ты даже не представляешь, как много рек впадает в океан! У него просто нет возможности лично встречать каждую.

*

Пока ветер искал новые слова утешения, Незнамка позабыла о своей обиде. Теперь её внимание было полностью приковано к гигантской черепахе, которая поднялась на поверхность глотнуть воздуха. Её рыжеватый панцирь был похож на песчаный безжизненный остров, а голову и лапы словно слепили из битой керамической плитки. Именно о такой подруге мечтала речка: мудрой, опытной и внушающей уважение всем без исключения.

Незнамка кинулась ей вслед, совершенно позабыв об Урагане. Удивлённый и обиженный, он ещё какое-то время сопровождал речку, надеясь на благодарность и

дружеское прощание. Но когда убедился, что ни того, ни другого не услышит, резко развернулся и со свистом понёсся прочь, дав себе зарок больше ни в чём и никогда не помогать речке.

А она тем временем атаковала черепаху вопросами:

– Позвольте полюбопытствовать: сколько вам лет? Наверное, больше ста!

– Сто, двести – не всё ли равно! – просопела черепаха, замедлив свой и без того неспешный ход. Её поблекшие мутноватые глаза долго шурились и усердно искали Незнамку. А когда наконец нашли, то не выказали ни малейшего оживления. Словно в пустоту, она продолжила:

– Старики измеряют жизнь не годами, а болячками. Сейчас мне не даёт покоя спина. Панцирь так и ломит! Проклятый остеопороз!

Такого слова речка прежде не слышала, и это окончательно убедило её в умственном превосходстве черепахи.

– Вы, наверное, столько всего видели и много где были! – сказала Незнамка утвердительно, радостно предвкушая интересные истории.

– Я видела всё и побывала везде, – начала черепаха многообещающе, – но теперь уж и не припомню, что именно и где именно...

– Как же так! А я думала, что вы, что вы... – речка никак не могла подобрать нужное слово, – что вы настоящая плавающая энциклопедия.

Черепаха от души расхохоталась. Правда, смех её тут же перерос в кашель, который она ещё долго не могла унять.

– Доля правды в этом есть, – чуть слышно прохрипела черепаха между приступами кашля. – Я самая настоящая энциклопедия. Но только медицинская!

И кивая большим ороговевшим клювом, она принялась с упоением перечислять все свои диагнозы и недуги.

В этом длинном списке латинских названий речка не нашла для себя ничего интересного. «От такой дружбы пользы не будет», – рассудила она и вдруг вспомнила о том, кто был для неё действительно полезен. Но Ураган давно скрылся из виду и не услышал её жалобного зова. «Вот бессовестный, даже не попрощался!» – ядовито буркнула речка после тщетных попыток его отыскать. А черепаха тем временем продолжала монотонно озвучивать неутешительный список своих болячек. «Пора удирать», – смекнула Незнамка и тут же привела свою мысль в действие.

Глава VI, в которой речка становится обедом

Отплыв от черепахи на расстояние «не вижу и не слышу», речка захотела чуточку отдохнуть и подумать о том, как ей лучше обосноваться на новом месте. Но побыть в одиночестве ей не удалось. Уже через пару минут, испуганная и удивлённая, она наблюдала, как из тёмной глубины океана надвигается песчаная буря! «Такое бывает лишь в пустыне», – разумно предположила речка. Но как иначе объяснить это жуткое явление, она не знала.

От страха Незнамка съёжилась и приготовилась к столкновению. Но вместо удара она почувствовала, как все её тело сотрясается от щекотки! Это миллионы малюсеньких рачков с выпученными глазами и длинными тараканьими усами заполнили буквально каждую её клеточку. Теперь она была скорее не речкой, а густым киселём из крошечных креветок.

– Да как вы посмели вторгнуться без разрешения? – завопила Незнамка, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться от щекотки. – Убирайтесь, откуда пришли!

Но рачки её словно не слышали: весело переговаривались друг с другом и тихонько хихикали. Все вместе они представляли собой плотное желтоватое облако. Но внутри него рачки двигались хаотично и совершенно не согласованно. Одни плыли по спирали, другие зигзагом, третьи крутили сальто. Их тельца были прозрачными и напоминали льдинки, а тонюсенькие лапки веером торчали из брюшка и постоянно шевелились, словно ткали невидимый ковёр. Это и вызывало у Незнамки дикую щекотку.

– Сил моих больше нет вас терпеть! – забранилась речка ещё пуще. – Кто вы такие и почему на меня напали?

В ответ рачки так громко засмеялись, что Незнамка вся завибрировала.

– Мы вовсе не хотели тебя пугать, – услышала она вдруг тонюсенький и писклявый голосок. – Нас к тебе принесло морское течение. И бояться нас просто смешно, потому что мы сами всех боимся!

Перед глазами речки мелькали сотни одинаковых рачков, и она не сразу отыскала того, кто решился с ней заговорить. Этот смельчак нисколько не отличался от своих сородичей, и всё же в нём было что-то особенное. «Улыбка!» – наконец догадалась Незнамка. Вот что выделяло его из этой однообразной биомассы. Рачок улыбался так широко и дерзко, что, казалось, даже светился от счастья.

– Вы так и не ответили, как вас зовут, – не унималась речка.

– У нас нет индивидуальных имён. Есть лишь собирательное название «криль», – отчеканил рачок заученной фразой. – И действительно, по отдельности ничего ценного мы из себя не представляем, а вот вместе – приносим огромную пользу! Рыбы, тюлени, птицы и даже киты не могут без нас жить. Ведь мы для них и завтрак, и обед, и ужин!

Речка засомневалась, правильно ли поняла услышанное, ведь рачок сказал это совершенно невозмутимо, а его улыбка стала ещё шире.

– То есть вы с минуты на минуту ждёте, что вас съедят, и при этом весело хихикаете? – уточнила она в недоумении.

– Именно, именно! – закивал рачок, отчего панцирные пластинки на его брюшке сократились. – Что же ещё нам остаётся делать? Мы пришли в этот мир беззащитными и не видим смысла сопротивляться судьбе. А вот радоваться и улыбаться нам запретить никто не может! Поэтому мы всегда в отличном настроении. Короткая жизнь не должна быть омрачена грустью!

По уверенной интонации рачка Незнамка поняла, что он фанатично убеждён в своей теории. «Сектанты!» – заключила она однозначно и уже собралась прогнать чудаковатых гостей, как почувствовала, что её с невероятной силой потянуло на глубину. Незнамка опустила глаза и похолодела от ужаса. Прямо под собой она увидела страшную усатую пасть, в которой легко мог уместиться грузовик. Практически сразу речку осенило, что это был гигантский синий кит, который питается крилем. А ещё секунду спустя её закрутило в быстрый водоворот, и она словно ухнула в глубокую сырую пещеру, куда не проходит солнечный свет.

Стало ужасающе темно и снова дико щекотно. И хотя ситуация не располагала к веселью, сдавленные смешки тихо вылетали из её стиснутых до белизны губ. Виноваты в этом были всё те же рачки, которые, как и Незнамка, разом оказались в глотке великана. Они ещё проворнее перебирали лапками, словно надеялись выбраться из западни, а вот хихикать перестали вовсе. Из-за темноты речка не могла разглядеть их лиц, но знала наверняка – теперь они точно не улыбались.

– Эй, весельчак! Кажется, кит нами пообедал, – громко сказала она, надеясь, что новый знакомый её услышит. – Что по этому поводу говорит твоя теория? Надо продолжать смеяться или уже можно плакать? – съязвила Незнамка в приступе отчаяния. Она была так сильно напугана, что неосознанно хотела с кем-нибудь поговорить, а ещё

лучше – поругаться. Всё для того, чтобы не чувствовать себя одинокой и беззащитной. Но ответа она не получила – не успела!

*

Неожиданно многотонный язык чудовища сжался в пружину и распрямился с колоссальной силой. Как гигантский поршень, он вытолкнул Незнамку наружу через китовые усы. Речка с лёгкостью просочилась сквозь эту живую щётку, а вот рачки – все без исключения – застряли в ней и остались в пасти кита. Но Незнамка осознала это не сразу. После крошечной тьмы яркий солнечный свет так жёг ей глаза, что она долго не решалась их открыть. А когда через пару минут речка посмотрела по сторонам, кита нигде не было видно. Она очень обрадовалась его исчезновению, а вот отсутствие рачков её, напротив, сильно огорчило.

– Только у меня наконец появились друзья, как их тут же проглотил кит, – изрекла Незнамка вслух и задумалась. – Значит, водиться со всякой мелюзгой бессмысленно, ведь её рано или поздно кто-нибудь съест, и нашей дружбе конец, – рассуждала она не торопясь.

– Но ведь и с китом познакомиться не получилось. Он не проявил ко мне ни малейшего уважения и даже оскорбил: прополоскал мною рот и скрылся, даже не извинившись! Так с кем же мне дружить?

Этот вопрос речка задала себе сама и, конечно, не ждала на него ответа. Но вдруг он отыскался сам. В её памяти всплыли образы Урагана, деревенских жителей, уток, цапель, бобра и лягушек – всех, кто был её истинными друзьями и с кем она распрощалась без особого сожаления. Это позднее раскаяние было для речки таким горьким, что она даже физически ощутила обжигающую боль в груди и мерзкое першение в горле, как при ангине.

– Ладно, хватит грустить! – приободрила себя Незнамка. – И дня не провела в океане, а уже близка к депрессии. Отправлюсь-ка я в Мексику. Мексиканцы – очень весёлый и гостеприимный народ. Может, среди них отыщется настоящий друг...

Но как добраться до берегов Центральной Америки, речка не знала. Невдалеке она заприметила большое скопление медуз и решила спросить у них если не дорогу, то хотя бы направление.

Когда она подплыла ближе, то поразились красотой этих простейших существ. Формой они напоминали парашютики со стропами, словно в заданный сектор приводнился воздушный десант. Одни купола были очень внушительных размеров, другие – не больше шляпки опёнка. Незнамка решила обратиться к медузе посолидней, то есть тяжеловесу, с длинными мясистыми щупальцами. Речку также привлекла её необычная расцветка. Если большинство медуз были прозрачными или слегка белёсыми, то у этой купол отливал красным и походил на клубничный пудинг.

– Мадам, то есть миссис, то есть мадемуазель, – проскороговорила Незнамка все известные ей формы этикетного обращения. – Не подскажите ли вы, как мне добраться до Мексики?

– Деточка, ты обратилась по адресу, – горделиво выплеснула медуза и от осознания собственной важности, казалось, даже прибавила в объёме. – У берегов Мексики я была дважды – туда меня выносило Карибское течение. Оно соединяется со множеством других потоков. Это что-то вроде линий метро: путешествовать можно по всей Атлантике! Главное – вовремя делать пересадки.

– Как мне повезло, что я вас встретила! – весело зажурчала речка, чувствуя, как всю её окутала теплота радости. – Я приплыла сюда из очень далёких мест, преодолела множество трудностей – и всё ради того, чтобы океан стал для меня родным домом. Расскажите мне, пожалуйста, об этих удивительных течениях подробнее!

Речка приготовилась слушать и запоминать ценнейшую информацию, но вместо этого раздался встречный вопрос:

– А что я получу взамен?

По уверенной и высокомерной интонации медузы Незнамка поняла, что это не шутка и та действительно ждёт от неё вознаграждения.

– Но мне совсем нечем вас отблагодарить, – робко, словно бы в чём-то провинившись, ответила речка, всё ещё надеясь на бескорыстную помощь. Как оказалось, напрасно. Медуза презрительно фыркнула, а её мясистый купол залился алым цветом до самых краёв.

– Тогда, деточка, вам незачем попусту бороздить океан, – сказала она. – Возвращайтесь в свою провинцию, где дармовое мышление в порядке вещей!

Эти оскорбительные слова расстроили Незнамку до слёз. Прежде она и сама частенько грубила, но когда нахамили ей, совершенно растерялась.

– За что вы со мной так?! Разве я вас чем-то обидела? – вырвалось у речки почти стоном, голос её дрожал. Медуза со злорадством ухмыльнулась: она умела жалить не только щупальцами...

Глава VII, в которой речка влюбляется

В этот момент отчаяния и унижения на помощь Незнамке явился доблестный рыцарь в блестящих латах! Именно таким увидела речка серебристого дельфина, который выпрыгнул из воды прямо перед её носом. Он взмыл в воздух высоко и быстро, словно у него были крылья, при этом ловкач умудрился несколько раз обернуться вокруг своей оси. Его тёмные бока так сильно заискрились на солнце, что, казалось, они сами излучают свет, а не отражают его. В завершение этого циркового номера дельфин шутливо ударил хвостом по воде, да так сильно, что Незнамка вся содрогнулась и сотни радужных капель рассеялись над её головой.

– Не обращай внимания на этих противных, слизких медуз! – громко, чтобы те его услышали, сказал дельфин и ободряюще кивнул Незнамке. – Они прозрачны как стекло и обладают тем же интеллектом. Разговаривать с ними — пустая трата времени!

Незнамка не сводила с дельфина глаз и ловила каждое его слово. Она прежде слышала, что эти животные благородны и грациозны, но никак не ожидала, что они к тому же такие красавцы!

– Лучший способ добраться до берегов Мексики, – продолжил дельфин, – следовать за трансатлантическим лайнером. Эти большие белые корабли круглый год плавают из Европы в Америку и обратно. Вот увидишь, не пройдёт и часа, как один из них покажется на горизонте. У меня есть немного свободного времени, и я могу составить тебе компанию!

Незнамка так обрадовалась, что была готова сама подпрыгнуть до облаков и сделать тройное сальто! Её буквально ошастливило решение дельфина дожидаться лайнера и часть пути проплыть вместе. Дельфин заметил перемену в её настроении и тоже мгновенно повеселел.

Улыбаясь, он так широко раскрыл рот, что показал все свои белоснежные зубы. Если бы речка взялась их пересчитывать, то остановилась бы на цифре сто десять! Острые, ровные и абсолютно одинаковые, словно слепленные по одному лекалу. Разум подсказывал Незнамке, что такой улыбки надо остерегаться. Да и сердце чуяло угрозу, но только совсем другого рода...

– А вот и наш провожатый! – звонко воскликнул дельфин и указал своим острым носом на бледную линию горизонта. Взгляд речки покорно устремился вдаль. Сначала появилась верхняя палуба лайнера с круглыми локаторами и цветастыми трубами, потом ещё одна, и ещё, и ещё, и ещё – и так все семнадцать постепенно вынырнули из океанской толщи.

– Ведь это целый плавучий небоскрёб! – радостно заохала Незнамка. – Сколько же там вмещается людей?!

Последнюю фразу она произнесла скорее восторженно, нежели вопросительно, поэтому совсем не ожидала ответа. Но он, к её удивлению, прозвучал.

– Больше четырёх тысяч, – сказал дельфин таким ровным и расслабленным голосом, словно это знает каждый моллюск в океане. – Думаю, люди похожи на дельфинов, – неожиданно заключил он. – Они тоже не любят одиночество и предпочитают путешествовать большими стаями.

*

Тем временем лайнер шёл полным курсом к месту, где остановилась речка, как если бы у них был уговор о встрече.

– А тебе везёт! – с ноткой удивления подметил дельфин. – Этот «домище» прёт прямо на нас, даже не придётся его догонять. Но как поравняется, не думай расслабляться, иди в кильватере. Это только с виду он такой неуклюжий, а на деле скорость развивает до двадцати узлов!

Незнамка поняла не все термины, но суть уловила верно – не отставать. Лайнер подходил всё ближе и ближе и становился всё больше и больше. Он даже заслонил собой солнце, хотя тому было ещё далеко до захода.

– Когда он перестанет расти? Мне страшно! – заголосила речка, скорее кокетничая, нежели действительно испугавшись. Дельфин это понял, но не показал вида.

– Тебе ли бояться! Что с тобой будет?! А вот я могу попасть под винты. Мой лучший друг так погиб.

Незнамке стало совестно. Она выждала минуту, а потом всё-таки спросила:

– Если приближаться к судам так опасно, зачем ты рискуешь?

– Мне нравятся люди, – откровенно сказал дельфин без тени жеманства. – Особенно дети. Они всегда очень радуются моему появлению: смеются, аплодируют и даже визжат от восторга!

В этот момент с открытой прогулочной палубы раздался детский крик: «Мамочка, папочка! Сюда! Скорее! Здесь настоящий дельфин! Красивый-прекрасивый!» Белокурая девочка лет шести в клетчатой юбочке и капитанской фуражке едва касалась перил подбородком, но что есть мочи хваталась за них и подтягивалась, чтобы лучше разглядеть дельфина. На помощь ей подоспел отец и взял малышку на руки.

– Вот и ответ на твой вопрос! – разулыбался дельфин, окрылённый комплиментами. И снова принялся показывать трюки. Вертикально выпрыгивал из воды, делал в воздухе сальто и кручение, бил хвостом и выпускал изо рта фонтанчик. Пустые до этого палубы лайнера плотно набились людьми. Незнамке даже показалось, что он вот-вот накренится и завалится на один бок. Но, к её удивлению, лайнер не только устоял, а даже прибавил ходу.

Следующие три с половиной часа речка гналась за ним на пределе сил, боясь упустить из виду его широкую белоснежную корму. Дельфин был всё время поодаль и без остановки веселил публику. Наблюдая его триумф, Незнамка вспомнила деревенских мальчишек и девчонок.

Как они её любили! Восемь утра, ещё туман дремлет над рекой, вода пока не прогрелась, а ребяташки уже выстроились на берегу и совещаются: смастерить им сегодня плот, каноэ или подводную лодку... Смеркается, но ни родители, ни бабушки с дедушками не в силах вытащить их из воды! «Амфибии какие-то, а не дети!» – смеётся дед Матвей... Прежде такая картина вызвала бы в Незнамке лишь раздражение и бессильную злобу, но теперь она смиренно улыбалась, мысленно представляя, как в её водах шумно резвятся дети.

«Дельфин из кожи лезет вон, чтобы понравиться людям, а меня деревенские жители обожали без всяких трюкачеств!» – пришла она к лестному для себя выводу. Но такое открытие её ничуть не обрадовало. Тоска по дому какой-то снежной лавиной обрушилась на Незнамку. Ей стало зябко и одиноко. И только мысль о новом друге украдкой теплилась в сердце.

*

А солнышко тем временем присело на линию горизонта и расстелило перед собой оранжевую дорожку. Оно таяло так стремительно, словно это не солнце, а шарик клубничного мороженого, которое выложили на тарелку с горячим десертом. Ещё пара минут, и океан полностью слился с небом – оба окрасились в чёрный цвет. Силуэт дельфина тоже растворился во мгле. Пассажиры теперь, кроме звёзд, ничего не видели и организованно разошлись по каютам.

Дельфин наконец вернулся к речке. Но как оказалось, только чтобы попрощаться.

– Мне пора домой. Я и так слишком задержался, – объявил он весёлым и довольным голосом, всё ещё находясь под впечатлением от собственного успеха.

– Как же так! Ты меня бросаешь? – чужим для себя голосом пролепетала Незнамка. Её лицо так перекошилось от досады, что вышла очень забавная гримаса. Дельфин готов был прыснуть от смеха, но сразу передумал: понял, что речка настроена не шутить, а обижаться. Как истинный джентльмен, он поспешил объясниться.

– Мы, дельфины, стайные животные и всегда подчиняемся воле нашего лидера или большинства, что, впрочем, одно и то же... Вот я всегда мечтал быть артистом и гастролировать по океану с цирковыми номерами. Но мой четвероюродный дядя – он сейчас наш вожак – назвал эту профессию «пустой» и «низкой». «Не смей порочить наш род!» – театально пригрозил он. – Если хочешь быть шутом, отправляйся в дельфинарий веселить двуногих, а к нам дорогу забудь». Самое обидное, что мои родители и другие родственники единодушно его поддержали.

Такое неожиданное откровение очень удивило Незнамку. Она замерла и жадно слушала. А дельфин, настроение которого было уже совсем не весёлым, продолжал:

– Недавно мои старшие братья решили подыскать мне невесту. Я возразил, что женюсь только по любви и когда сам захочу. Но они меня и слушать не стали! Если не подчинюсь, меня изгонят из стаи, а это для дельфина верная гибель. Мы не переносим одиночества!

– Но ты не будешь одинок! С тобой буду я! – радостно воскликнула Незнамка, уже нафантазировав собственную свадьбу с дельфином. – Решайся! Тебе надо покинуть стаю, ведь там ты несчастлив.

На этот раз удивился дельфин. К такому радикальному предложению он оказался не готов. Он долго подбирал слова и наконец смущённо сказал:

– Это невозможно. Это противоречит нашим законам. Дельфины так не поступают. Мы не дружим с иными видами и никогда не бросаем стаю.

Он был уверен, что выразился предельно ясно, но в глазах речки прочёл полное непонимание.

– Почему? Почему? Почему? – запричитала она. – Почему ты сию же секунду не хочешь уплыть со мной?

– Да потому что так никто никогда не делал! – выплеснул дельфин свой последний и самый весомый аргумент.

– Так стань первым! Первым дельфином, кто нарушит эти дурацкие правила! – не скрывая своего волнения, с самым искренним участием взмолилась речка.

В ответ не раздалось ни единого слова. Только резкий хлопок по воде испугал её и чуть не оглушил. «Это он ударил хвостом, – подумала Незнамка, – и теперь втихаря

удирает!» Она очень хотела его окликнуть, но не стала и, закусив до боли нижнюю губу, беззвучно заплакала...

Глава VIII, в которой речка ловит такси

Месяц безнадёжно увяз в каше из пепельных облаков. Единственный источник света – атлантический лайнер – быстро удалялся, оставляя позади себя огненные ручейки. Это отражались в воде тысячи лампочек, что зажглись с наступлением ночи на всех палубах и во всех каютах. «Если сейчас же не бросишься за ним, то останешься одна в полной темноте!» – отчётливо услышала Незнамка какой-то внутренний голос, пока её рассудок был затуманен от слёз.

– Но как же я его догоню? Он теперь так далеко! – хлюпая носом, пожаловалась Незнамка сама себе. И действительно, лайнер быстро набирал ход, и его прежде чёткие огни слились в одно большое жёлтое пятно. Речка знала, что никогда не коснётся больше его белоснежной кормы, но всё же медленно поплелась за ним вслед. Остатков её сил хватило только метров на триста. Потом она остановилась, чтобы отдышаться и проследить опухшими от слёз глазами, как лайнер окончательно исчезнет во тьме.

И тут она ощутила под собой какое-то мощное движение, словно её подхватила и понесла горная река. Чувство это было очень приятным и знакомым. Ведь совсем недавно она и сама бежала так же быстро и гордо, но только дома – в своём русле. А здесь, в океане, Незнамка оказалась почти беспомощной и с трудом сопротивлялась большим волнам. Эта же река была совсем другого сорта! Она уверенно прокладывала себе дорогу без всякого русла, легко пробивая толщу океанской воды.

– Позвольте узнать, куда вы направляетесь? – поинтересовалась Незнамка. Это действительно её очень заботило, ведь бурный поток тащил её за собой.

– Моё путешествие начинается у берегов Африки и заканчивается в Мексиканском заливе, – вежливо, но слегка учительским тоном произнесла река. Незнамка так и просияла от счастья. Удача снова взяла её под своё крыло!

– И я! И мне! И мне туда же! – заголосила она радостно.

– С удовольствием вас подвезу. Я давно снискала славу межконтинентального такси, – услышала Незнамка в ответ. И только тогда её осенило.

– Так значит, вы океаническое течение, про которое говорили вредные медузы?!

– Вы дважды правы: медузы в большинстве своём вредные, а я действительно одно из сотен течений, что пересекают Атлантику. Но друзья зовут меня просто – Большая Река. Кстати, предлагаю перейти на ты!

– Согласна! – обрадовалась Незнамка. И тут же добавила: – Как мне повезло, что я тебя встретила!

Она удобно разместилась в тёплом потоке и закрыла от удовольствия глаза. Мысли о дельфине всё ещё не отпускали её, но огорчали уже несильно. Огни лайнера снова проступили сквозь тьму – хорошо, что теперь ей не нужно было за ними гнаться. Большая Река сама вынесет её к знойным мексиканским пляжам... Незнамка хотела ещё раз поблагодарить свою спасительницу и о многом её расспросить, но усталость взяла верх над любопытством, и она моментально погрузилась в сон.

*

Проснувшись Незнамка уже за полдень – отдохнувшая, в хорошем настроении – и сразу начала приставать к течению с вопросами:

– А какая у тебя глубина и ширина? На глаз никак не могу определить.

– Так просто меня не измеришь! – с гордостью ответила Большая Река. – Шириной я более трехсот километров, а глубиной около пятисот метров.

– Не может быть! – воскликнула Незнамка, искренне поразившись таким цифрам. – Да ведь ты настоящее воплощение моей мечты! – в запале слетело с её губ.

– Это как? – удивилась Большая Река. Она была рада комплиентам, но даже в них знала меру. И тогда речка подробно рассказала течению всю свою невероятную историю, опустив лишь то, как она обошлась с Ураганом и остальными друзьями.

– Я мечтала стать такой, как ты! – в заключение призналась она. – Сильной, независимой, безбрежной! Влиять на людей и животных, определять климат целых континентов! Быть известной и всеми любимой.

– Вот это да! – только и вымолвила Большая Река и уставилась на собеседницу округлившимися глазами. Она о чём-то долго думала и всё это время детально разглядывала Незнамку, словно видела её впервые. От этого подозрительного внимания речка разнервничалась и стала мысленно отматывать назад весь свой монолог, силясь вспомнить, не сказала ли она чего лишнего.

– Вот как чудно получается... – наконец, произнесла Большая Река. – Ты бы предпочла быть мной, а я, будь это возможно, тобой!

– То есть ты мне завидуешь, что ли? – переспросила Незнамка на свой манер.

– Ну можно сказать и так, – снисходительно улыбнулась Большая Река и пояснила. – Как бы я хотела убежать от океанских бурь и штормов в тихое, уединённое место! Ощущать под собой твёрдое и чёткое русло, а не зыбь тёмной воды глубиной в сотни метров. А как прекрасно, должно быть, услаждать свой взгляд постоянно сменяющимися пейзажами, пересекать равнины и леса, огибать холмы или струиться с них водопадом...

Большая Река говорила так поэтично, словно рассказывала о какой-то прекрасной, сказочной стране. Незнамка даже не сразу поняла, что слышит описание своей деревенской жизни! А Большая Река продолжала «фантазировать»:

– Какое богатство, какая роскошь – иметь собственные берега! Всегда знать, куда плывёшь и что увидишь. Если бы у меня были берега, я бы изучила каждое выросшее на них деревце, каждый кустик! И, конечно, нашла бы настоящих друзей!

– Что же тебе мешает завести их в океане? – ехидно перебила Незнамка.

– Это кажется абсурдным, но здесь подружиться с кем-нибудь очень трудно, – принялась объяснять Большая Река. – Я повидала сотни тысяч видов рыб и морских животных, но общение с ними всегда было недолгим. Мы знакомились, я помогала им, как сейчас тебе, добраться до нужного места, и мы расставались. Дружба требует много свободного времени и относительное постоянство. Атлантическим обитателям этого как раз не хватает. В океане все мигрируют, переселяются, убегают от хищников или сами охотятся. Вот и я никогда не знаю точно своего маршрута. На него влияют ветры и другие течения. Ты думаешь, я независима, но это не так. Я всецело подчиняюсь океану, его желаниям и капризам, и чувствую себя здесь не хозяйкой, а гостьей.

Незнамка прежде думала, что Большая Река с ней неоткровенна, что она прикляпывается и жеманничает. Но её размышления о дружбе многое объяснили речке. Например, почему за столь долгое путешествие по Атлантике она так и не нашла друзей. И отчего все её новые знакомые вскоре разбежались по своим делам. Значит, таковы в океане нравы и ритм жизни...

«Возможно, завести здесь друзей будет действительно непросто», – мысленно согласилась Незнамка с Большой Рекой. Но во всём остальном она никак не хотела признать её правоту. «Вот чудачка! Счастья своего не видит», – почти негодовала речка.

Казалось бы, этот честный разговор должен был их накрепко сдружить. Но произошло обратное. Чем настойчивее они силились понять друг друга, тем больше разрасталась между ними пропасть. Чтобы окончательно не поссориться, они не

сговариваясь решили проплыть какое-то время молча. Но искусственная тишина была мучительной, и теперь они желали только одного – поскорее расстаться.

И вот утром следующего дня на горизонте наконец проступили очертания заветного материка. Незнамка жадно впиалась глазами в тонкую полоску суши. Она потихоньку ширилась и становилась ярче, словно изображение на фотобумаге, которую опустили в ёмкость с реактивами. Большая Река тоже не могла нарадоваться знакомому берегу.

– Вот и прощаться пора, – сказала она не грустно и не весело.

– Спасибо, что подвезли, – сухо и снова перейдя на вы, ответила Незнамка.

Подспудно она уже знала, что её бегство из дома – непоправимая ошибка. Что вся её взлелеянная мечта не более чем глупая фантазия. Но вместо того чтобы признать это вслух, она настойчиво гнала от себя тяжёлые мысли. Большая Река догадывалась об этом и тем самым раздражала Незнамку. Поэтому, лишь завидев берег, речка спешно покинула «межконтинентальное такси»...

Глава IX, в которой речка узнаёт цену человеческих ошибок

Близость суши оказалась визуальным обманом. Целых три часа Незнамка боролась с драчливыми волнами, а затем упрямым приливом, прежде чем ощутила под собой тёплое песчаное дно. Её ослотившим от усталости глазам предстала комичная картина: сотни бронзовых, почти обнажённых тел распластались на городском пляже подобно морским котикам – чуть не на головах друг у друга. То небольшое пространство, что было свободно от людей, занимали их полотенца, сумки, лежаки и зонтики.

В воде народу было не меньше. И взрослые, и дети дурачились: ныряли, топили друг друга, играли в салки. А ведь Незнамка так надеялась отдохнуть в тишине! Лишь теперь она поняла, каким разным может быть шум. Крики и визги деревенской малышни, которые прежде она считала невыносимыми, вмиг заняли самую нижнюю отметку по шкале хулиганских децибел.

«Да и пусть себе шумят! – успокаивала себя речка. – Главное, чтобы говорили о чём-нибудь интересном». Она прислушалась, но не поняла ни слова: мексиканцы общались на незнакомом ей языке. «Где бы найти переводчика», – подумала она и деловито огляделась.

Метрах в пятидесяти от берега, совсем рядом с барахтающимися в волнах людьми, резко, словно пробка, вынырнуло нечто, да ещё задом наперёд. Сначала показался короткий утиный хвост и массивное туловище пепельного окраса, и лишь потом – длинная, как у цапли, шея и «седая» голова с гигантским доисторическим клювом.

– Это же пеликан! – опознала речка ныряльщика. За время своего путешествия она их повидала много.

– Будьте так любезны, – обратилась она к птице с притворной улыбкой, – разъясните, о чём таком важном и интересном говорят люди на пляже?

– Важном и интересном! – повторил пеликан насмешливо. – Да они болтают целыми часами о пустейших вещах, о всякой никчёмной ерунде. Например, о своей одежде, – пояснил пеликан, всё больше раздухаряясь. – Идёт – не идёт, жмёт – не жмёт, видно – не видно... Люди совершенно не умеют обходиться без тряпок! Даже здесь, на пляже, в жару не снимают свои цветастые лоскуты. Оно и понятно: у них нет ни шерсти, ни перьев. Отсюда такая патологическая озабоченность одеждой.

Неожиданно монолог птицы прервался, так как её голова очутилась под водой. Несколько секунд речка не без смущения разглядывала оставшийся на поверхности и поднятый кверху хвост, но дождалась-таки развязки: пеликан, как неваляшка, снова принял исходное положение, только теперь его горловой мешок раздулся, словно спинакер

на полном курсе. В нём было не меньше ведра воды, а сквозь растянувшуюся кожу виднелись силуэты маленьких, снующих в испуге рыбок.

– Я не верю, что у людей нет более интересных тем для разговоров! – вызывающим тоном сказала речка, твёрдо решив добиться от пеликана развёрнутого ответа. Тот лишь обрадовался, что его готовы слушать, и с удовольствием продолжил:

– Ещё люди очень любят поговорить о еде. На пляже они всё время что-то жуют и выпрашивают друг у друга. Но я ни разу не видел, чтобы они охотились или как-либо иначе добывали себе пищу. Они приносят её с собой в пакетах, коробках, банках и бутылках. Кстати, кое-что из их пищи я пробовал. Довольно сносно. Но потом такая изжога одолевает!

*

Наблюдая за пеликаном, который умудрялся говорить с полным клювом, Незнамка вспомнила выражение: «молчит, как воды в рот набрал». «И как ему это удаётся?» – подумала она, но вслух спросила о другом:

– А что ещё занимает мексиканцев? Ведь не только еда и одежда!

– По-го-да! – растянул пеликан язвительно. – Они постоянно ею интересуются! Но вместо того чтобы поверить собственным глазам или интуиции, они расспрашивают о погоде на завтра друг друга или ищут ответ в телефонах. Чудаки!

Во время всего разговора пеликан потихоньку, тонкими струйками сцеживал из клюва воду. Теперь, когда в мешке её почти не осталось и он обмяк, как парус в безветренную погоду, птица нервно откинула назад голову и залпом проглотила всю отфильтрованную рыбёшку. Речка, хоть была небрезглива и не испытывала к рыбе особой жалости, вдруг почувствовала отвращение.

Но ещё больше, чем пеликана, в эту минуту она ненавидела саму себя! Стоило ли проделывать такой далёкий и опасный путь, чтобы увидеть людей, которые ничем не отличались от её деревенских знакомых? И зачем учить иностранный язык, если в итоге снова услышишь дурацкую болтовню?! Эти вопросы жалили Незнамку, как свирепые шершни. Резкая перемена в её настроении встревожила даже пеликана.

– Отчего вы хмуритесь? Надеюсь, это не я вас огорчил? – спросил он заботливо, и белый хохолок на его затылке приподнялся, словно участвуя в беседе.

– Я так мечтала найти среди мексиканцев друзей, с которыми мне будет весело и интересно, – призналась речка удручённым голосом. – Я почему-то верила, что здесь живут особенные люди, непохожие на других!

Пеликан нарочито поперхнулся, показывая тем самым, что считает услышанное страшной глупостью.

– Все люди одинаковые, на каком бы континенте они ни водились! А дружба с ними всегда чревата большими проблемами, – деловито изрёк он. – Я давно за ними наблюдаю (а мне уже пошёл третий десяток), так вот я сделал вывод, что это примитивнейшие существа!

Речка хоть людей и недолюбливала, но была высокого мнения об их интеллекте.

– Сильно же они вас обидели! – бестактно предположила она и попала точно в цель. До этого уверенный и даже слегка высокомерный, пеликан вдруг съёжился, втянул шею и тем самым визуально уменьшился раза в полтора. Голова его теперь комично торчала из середины туловища, как башня танка, а длиннющий клюв ещё больше усиливал это сходство, напоминая дуло.

– Люди действительно причинили мне много зла, – сказал пеликан после минуты задумчивости. – Это грустная история, но если хотите послушать...

Он ещё не закончил фразу, а речка уже утвердительно закивала в ответ. У неё было полно свободного времени: мексиканцы её больше не интересовали, а новую цель она себе ещё не придумала.

– Я родился в Северной Америке, в штате Луизиана, – размеренно и без эмоций начал пеликан свой рассказ. Он так и не поднял голову и не выпрямил шею, словно вот-вот готовился закрыть глаза и уснуть.

– Мои родители ещё помнили времена, когда на побережье Луизианы и на болотах в устье реки Миссисипи жило великое множество пеликанов. Местные жители даже сделали нас своим символом. Они изобразили пеликана с птенцами на флаге и гербе штата! – в его голосе проскользнула нотка гордости, но затем, словно опомнившись, он сухо добавил:

– На самом деле люди нас всегда не любили. Когда они только осваивали эти земли, то убивали нас из ружей и разоряли наши гнёзда. А построив города, стали сливать в реки нечистоты и опасную химию. Они заняли своими отелями и домами лучшие пляжи. А главное – лишили нас пропитания, вылавливая тонны рыбы и уничтожив многие её виды навсегда!

– Теперь я понимаю, почему вы обижены на людей, – вдруг выпалила речка в приступе искреннего сочувствия.

– Не перебивайте и дослушайте до конца, – строго осадил её пеликан. – Я ещё не рассказал о самом страшном злодеянии человека.

*

Незнамка даже похолодела от ужаса. Пеликан тоже утратил своё прежнее спокойствие и равнодушие.

– В 2010 году недалеко от берегов Луизианы загорелась и затонула нефтяная платформа, – на этих словах его голос впервые дрогнул. – Из повреждённой скважины в океан хлынула нефть. Только представьте – вылилось несколько миллионов бочек! – чтобы нагляднее показать, как это много, пеликан развёл в стороны свои огромные мохнатые крылья. – Треть Мексиканского залива покрылась нефтяной плёнкой! Многие тысячи животных увязли в грязной и вонючей жиже. И я тоже был в их числе, – сказал пеликан словно между делом, но после выжидательно замер, не спуская с речки чёрных, окантованных жёлтой кожей глаз. Незnamка отреагировала мгновенно.

– Значит, вы были свидетелем той страшной катастрофы? – взволновано залепетала она. Пеликану вопрос доставил нескрываемое удовольствие. Правда, сам он так и не понял, чего в интонации речки было больше – ужаса или восторга. Он ещё помолчал с минуту, несколько раз тяжело вздохнул, словно ветеран, вспоминающий события давней войны, и только когда Незnamка была окончательно заинтригована, неспешно продолжил:

– Я находился недалеко от берега, когда волны пригнали из океана огромное нефтяное пятно. Но я так был увлечён рыбалкой, что не заметил опасности. Помню, как в очередной раз спикировал на глубину, поймал добротную жирную кефаль и, вынырнув, угодил прямо в эту маслянистую плёнку. По незнанию я расправил крылья, чтобы взлететь, но они сразу испачкались и стали липкими и тяжёлыми. Чем больше я барахтался, пытаясь вырваться из ловушки, тем больше увязал в гадкой жиже.

Для пущей выразительности пеликан весь скривился, наморщил лоб и затряс головой. Так он хотел нагляднее показать, какой отвратительной на ощупь и на запах была эта плёнка. Впечатлительная Незnamка с ужасом представила, что бы случилось с ней, попади в неё нефть. А пеликан продолжал сгущать краски:

– Мои перья впитали эту бурую слизь, как губка! Я принялся чистить их клювом, но быстро почувствовал тошноту и дикую боль в животе. Как потом я узнал: нефть очень токсична и смертельно опасна.

– И как же тебе удалось спастись? – не сдержала любопытства речка. Её участие очень льстило пеликану. Она это понимала и подкидывала ему, как дрова в костёр, всё новые и новые вопросы. Пеликан расплылся и готов был говорить без умолку.

– Меня, уже умирающего, подобрали люди в белых одеждах и привезли в какой-то ангар, – с воодушевлением продолжил он. – Там они долго тёрли меня зубными щётками и мыли едкими шампунями. Я так сильно отравился, что несколько дней не мог даже самостоятельно есть, и люди кормили меня через трубку.

На этот раз скучилась и сморщилась Незнамка.

– В ангаре были сотни других пострадавших животных: птицы и черепахи, выдры и морские котики, дельфины и касатки в бассейнах. Многие из них, несмотря на активную помощь, умерли...

Голос пеликана надломился, он немного помолчал, чтобы перевести дух. Но так как ему очень хотелось выговориться, вскоре затараторил с новой силой:

– Я болел ещё целый месяц, заново учился летать и плавать. А когда меня выпустили на свободу, радость от этого события омрачило страшное известие: родственники рассказали мне, что от разлива нефти в нашей стае погиб каждый четвёртый пеликан!

*

Незнамка была шокирована услышанным. Но жалость к пострадавшим животным вскоре сменилась мыслью о собственной безопасности.

– А как сейчас идут дела в заливе? – поинтересовалась речка, стараясь скрыть волнение и говорить как можно непринуждённое. Пеликан не заметил её встревоженности и охотно ответил:

– В моём родном штате были загрязнены все бухты и пляжи. Подорванное здоровье не позволяло мне там оставаться, и я улетел в Мексику. Здесь немного почище, хотя прежним наш залив уже никогда не будет. Чтобы скрыть следы катастрофы, люди распылили на нефть какие-то вредные реагенты, и она осела на дно. Рыбы рассказывали мне, что на глубине скопились целые озера этой чёрной гадости. Поэтому животные продолжают болеть и умирать.

Незнамка на глазах погрузилась. Когда она с увлечением слушала рассказ о чужой трагедии, то никак не могла подумать, что сама подвергнется угрозе. Выходило, что в любой момент она может наткнуться на нефтяное пятно и навсегда утратить свою чистоту и прозрачность.

«Нужно немедленно отсюда убегать, – запаниковала речка. Она была в страшном отчаянии, ведь никакого плана у неё не было. – Медлить нельзя, главное – покинуть залив, а там что-нибудь придумаю», – второпях решила она.

– Мне пора в путь, – сухо сказала Незнамка пеликану, не удостоив его никакими объяснениями. Он, который больше часа усердно отвечал на все её вопросы, возмутился.

– Ааа! Испугалась! Задала стрекача! – бросил он речке вдогонку, наконец поняв причину её бегства. – Как слушать, так вы все охотники, а как остаться и помочь, так вас и след простыл, – бранился он, заодно припоминая ещё каких-то неблагодарных знакомых.

Эти упрёки были для речки хуже пощёчин. Совсем не так она представляла себе расставание с пеликаном, которого уже собиралась записать в друзья. Но чувство стыда не изменило её решения дезертировать, и даже напротив – подстегнуло удирать ещё быстрее.

«Не для того я обогнула половину земного шара, чтобы перепачкаться в нефти!» – бубнила себе под нос Незнамка, всё дальше удаляясь от берега. Она почему-то запретила себе оборачиваться, хотя ей очень хотелось ещё разок взглянуть на так и не исследованный ею материк.

«Хорошо жить в деревне! – вдруг отчётливо осознала речка. – Там люди нефть не ищут и ничего в земле не бурят. Бывало, дед Матвей кинет в меня окурочек, так тётя Клава его крепко бранит. Говорит: «Береги природу, олух! Тебе ж потом эту воду пить».

Досада и опустошение просочились в Незнамку, отравив каждую её клеточку похуже нефти. «Как давно я не слышала собственного журчания, – размышляла она грустно. – Взамен: или рокот гигантских волн, или мёртвая тишина штиля... Я думала, что вольюсь в океан и стану сильной, могущественной, счастливой, но никогда прежде я не чувствовала себя такой беззащитной, слабой и одинокой».

Глава X, в которой речка совершает подвиг

Вокруг снова воцарился мрак, и лишь звёздное небо и полная луна не давали речке окончательно потеряться в пространстве. Редко вспыхивали вдали ядовитым светом многопалубные крейсера и быстро гасли, словно метеоры в ночи.

– Везёт же людям! – завистливо процедила речка. – Я потратила столько времени и сил, чтобы добраться до Мексики! А они путешествуют быстро, с комфортом, даже не замочив ног!

Следующая порция недовольства пришлась на долю океана.

– Ты холодный и равнодушный! Так ни разу со мной и не заговорил. А ведь я скитаюсь по тебе больше трёх месяцев! Я думала, нет тебя чище, мудрее и добрее, а оказалось, что всё в тебе пропитано солью, нефтью и кровью!

После этих слов океан заклокотал и запенился. То ли он услышал слова Незнамки, и они его оскорбили, то ли погода начала портиться уже давно, но речка была увлечена своими переживаниями и этого не заметила...

На небо словно вылили ведро чёрной туши, густо закрасив луну и звёзды. Ветер, как боевой бык, дразнимый мулетой, с каждой минутой всё больше нагнул и свирепел. Волны соревновались друг с другом в высоте и силе удара. Многотонными жерновами они взяли Незнамку в крепкие тиски, стремясь перемолоть и уничтожить.

От такой нескончаемой болтанки речку мучительно затошнило, и голова её пошла кругом. В довершение губительной картины с неба хлынул настоящий «Ниагарский водопад». Артиллерийской канонадой лупили по воде молнии, а гром мастерски расставлял в этом зловещем реквиеме акценты.

*

Не надеясь на скорое окончание шторма, речка отдалась на его милость. Она не сопротивлялась и даже не бранила океан – на это у неё просто не было сил, – но настроилась терпеть и во что бы то ни стало пережить бурю.

Прежде она часто рисовала себе шторм весёлым аттракционом и теперь просто дивилась своей глупости! Взмывая вверх на высоту трёх, а то и четырёх этажей, Незнамка с ужасом глядела вниз – уже через секунду ей предстояло скатиться в бездну, потом подняться и затем снова и снова пройти через эту нескончаемую пытку.

Уже начало светать, когда при очередном подъёме на самый пик гигантской волны она увидела на соседнем гребне небольшую яхту. Паруса её были порваны в лохмотья, мачта согнута пополам, а грот неуправляемо раскачивался из стороны в сторону. Людей на борту не было. Больше речка ничего разглядеть не успела, так как её силой утащило вниз, к бурлящей подошве волны.

А когда речку снова приподняло, яхта была уже обречена. Злая волна опрокинула её и перебила ей хребет. Со скрипом, похожим на стон, прямо на глазах Незнамки она ушла

под воду. Последнее, что увидела речка, перед тем как гребень волны надломился, – рыжий спасательный плот, который быстро удалялся от места крушения.

Затем Незнамка привычно скатилась вниз, где лоб в лоб столкнулась с человеком! Это случилось настолько неожиданно, что она даже вскрикнула от испуга. И тут же несказанно обрадовалась, ведь теперь в этом бушующем аду она была не одна. Но человек не подавал никаких признаков жизни. На плаву его держал спасательный жилет, под которым речка разглядела полосатую шёлковую пижаму. «Наверное, шторм застал его во время сна», – подумала она и снова бесконтрольно устремила вверх.

Невдалеке опять показался надувной плот. Он подпрыгивал на волнах, как игрушечный мячик, но на этот раз не убегал, а наоборот, стремительно приближался к Незнамке. «Этот плот – единственное спасение для человека», – осенило речку, и она, больше не думая ни минуты, бросилась за ним вдогонку. Плыть наперекор стихии казалось невысказанным, но у Незнамки откуда-то появились силы.

Словно футбольный защитник, она ловко отбила у волн яркий, как мячик, плот, который они весело пасовали друг другу. И взвалив его на свои плечи, она, рвя жилы, стала пробираться к месту, где оставила человека. Найти его сразу не удалось. Коварные волны постарались унести его как можно дальше. Но речка не сдавалась и при каждом подъёме на гребень волны буквально прочёсывала глазами милю за милей.

Её упорство было вознаграждено. Каким-то боковым зрением она увидела оранжевое пятно и поняла, что это спасательный жилет. Как торпеда, наведённая на цель, Незнамка ринулась к нему сквозь неистовствующий океан. Вконец измождённая, она подплыла к человеку, который по-прежнему находился без сознания, и аккуратно – нежной волной – подняла его на борт спасательного плота. Теперь ей предстояла не менее трудная задача: не упустив плот из объятий, переждать свирепый шторм!

А погода и не думала улучшаться. Дождь буквально соединял небо и океан стеной из воды. Этот нескончаемый поток даже молнии гасил, как окурки. И хотя солнце было уже в зените, ни один его самый тонюсенький лучик не мог пробиться сквозь плотные смоляные тучи.

Волны всё это время пытались взять реванш. Они ждали, когда Незнамка потеряет бдительность или окончательно выбьется из сил, чтобы снова заполучить плот. Но речка стерегла его, как самый преданный телохранитель.

Лишь к утру следующего дня океан сменил гнев на милость. Шторм стих так же быстро и неожиданно, как начался двое суток назад. Словно по ходу спектакля в секунды поменялись декорации. Незнамка впервые по-детски открыто радовалась чистому небу, солнцу и штилю. Прежде столь будничная картина лишь навевала на неё скуку. Теперь же хорошая погода казалась ей каким-то невероятным чудом и ценнейшим подарком природы.

Глава XI, в которой речка проявляет чудеса находчивости и фантазии

Спасательный плот непривычно тихо покоился на воде и был похож на огромный рыжий бакен. Лишь героическими усилиями Незнамки он остался невредим. Но из него не доносилось ни единого звука, что очень пугало речку. Внутри она заглянуть не могла: нейлоновая шторка входа была опущена.

«Наверное, он ещё не очнулся, – тщетно успокаивала себя речка, ведь мрачные мысли давно вытеснили всякую надежду. – Живого или мёртвого, его надо высадить на берег», – подумала она, и это решение показалось ей единственно правильным. Но земли нигде не было видно. Суда, которые могли бы его подобрать, тоже не попадались: вероятно, штормом речку унесло далеко от морских путей.

«У кого бы спросить дорогу до ближайшего материка или, на худой конец, острова?» – размышляла Незнамка вслух, скользя глазами по водной глади в поисках какой-нибудь птицы, ведь пернатые всегда знают, где находится суша. Но океан казался необитаемым. Птицы улетели подальше от шторма, а морские животные и рыбы по той же причине опустились на глубину.

Вдруг под Незнамкой промелькнула чья-то тень. И ещё раз, и ещё... Кому она принадлежала, речка отследить не успела. Между тем у неё возникло стойкое ощущение, что за ней кто-то пристально наблюдает. Кого только ни рисовало её воображение: и острохвостого ската, и несуразную рыбу-луну, и толстогубого групера, и грациозного марлина. Но увидев, как ровную поверхность океана мягко и бесшумно разрезает чёрный плавник, она мгновенно опознала гостью – это была акула.

Речка ничуть не испугалась такой встречи: она давно мечтала познакомиться с этой безжалостной хищницей. «Должно быть, она очень коварная и жестокая, раз её боятся почти все жители океана. К счастью, для меня она совершенно безобидна», – спокойно рассуждала речка, не сводя глаз с приближающегося плавника.

И вот из воды показался широкий, чуть заострённый нос, маленькие – не больше кошачьих – глаза и тонкие зубы в несколько рядов, которые торчали даже из закрытой пасти.

– Там человек? – безучастно, как если бы только из любопытства, спросила акула, качнув головой в сторону плота.

– Да! Да! – закивала речка угодливо и, чуть смущаясь, добавила: – Это я его спасла!

– Вернее, дала ему отсрочку, – съехидничала акула и улыбнулась. Эта безобразная гримаса обнажила её мясистые дёсны и ещё несколько рядов острых, как лезвия, зубов.

Смысл последней фразы Незнамка осознала не сразу, а только когда в очередной раз взглянула на плот. Её лоб тут же покрылся испариной, а сердце застучало со скоростью телеграфного ключа, передающего сигнал SOS.

Видеть, как глаза жертвы наполняются страхом и отчаянием, для акулы было делом привычным. И всё равно она испытывала в такие минуты какое-то особое наслаждение. В этот раз пикантность делу придавал тот факт, что речка до смерти испугалась, но не за себя!

– На что тебе сдался человек? – спросила акула, наконец оставив своё притворное равнодушие. Речка не ожидала такого вопроса. Но даже подумав с минуту, не нашла на него ответа. Она и сама не понимала, зачем спасла человека и почему так волновалась за него теперь.

Молчание Незнамки разозлило акулу: она расценила его как дерзость и вызов.

– Плевать я хотела на ваши сантименты, – огрызнулась она, – вдвойне приятно отведать на вкус того, кто дорог врагу!

Акула не скрывала, что готовится к нападению. Она медленно кружила вокруг плота и тёрлась о его надувные стенки своими шершавыми боками. Речка даже застонала от ужаса. Она рвалась спасти человека, но не знала как. Эта беспомощность была страшнее самого крепкого и толстого льда, который когда-либо сковывал её зимой. Она застыла, не в силах пошевелиться, и мучительно ожидала трагической развязки...

Убедившись, что ей никто не окажет сопротивления, акула перешла к решительным действиям: глаза её затянулись белёсой плёнкой, нижняя челюсть выдвинулась вперёд – и она атаковала! Зубами впиалась в мягкую резину плота и со свирепостью бойцовского пса стала отрывать от днища рыжие лоскуты.

Незнамка была совершенно зачарована этой картиной. Размер акульей пасти так её поразил, что она даже на миг забыла о грозящей человеку опасности. Именно такой эффект акула хотела произвести, оттого максимально широко открывала рот, чтобы

показать весь арсенал своих треугольных зубов с острыми краями-пилами. Через её распахнутую глотку речка даже смогла разглядеть жаберные щели.

Она и сама уже, словно под гипнозом, готова была нырнуть в эту мощную бездонную мясорубку, но тонкий жалобный свист вывел её из оцепенения. Этот противный звук издавал воздух, который стремительно покидал стенки и днище плота через многочисленные дыры от акульих зубов. Плот уже уменьшился вдвое и сильно накренился на левый бок. Было очевидно, что ещё одну атаку он не переживёт. А значит, человек скоро окажется в желудке акулы!

– Не смей! – вдруг вырвалось у Незнамки громко и решительно. – Этот человек – твой друг!

– Ты со страху совсем потеряла ум! – еле сдерживая смех, закричала в ответ акула. – Этот человек – мой обед!

И она снова повернулась к плоту для завершающего удара.

– Да постой же! – не унималась речка, продолжая фантазировать на ходу. – Он твой защитник! Его затонувшее судно было исследовательским. На борту я прочитала надпись: «Спасём белых акул от белых людей!»

Вся эта небылица вышла у речки совершенным экспромтом. Едва ли она сама понимала в тот момент, что говорит. Но к её искреннему удивлению, акула сразу поменялась в лице и виновато выплюнула только что зажёванный кусок резины.

– Значит, он исследует и охраняет акул? – вдумчиво переспросила она.

– Да! – закивала речка, не моргнув и глазом. – Он занимается их разведением и защитой. Он рисует жизнью ради сохранения твоего рода!

– Я слышала, что такие люди существуют, но никогда их не встречала. Говорят, это очень редкий вид, – всё больше поддавалась на обман акула. А речка, почувствовав неожиданный успех, даже вошла во вкус.

– Только из уважения к акулам я спасла этого человека, – льстиво подытожила она.

– Что ж... – промямлила акула растерянно. – Это всё меняет. Я помогу тебе отбуксировать плот к берегу.

– Давно бы так! – буркнула речка, уже совершенно заигравшись. А плот между тем продолжал сдуваться и вот-вот должен был черпануть воды.

– Тонет! Тонет! – завопила акула визгливым девчачьим голосом. Это настолько диссонировало с её угрожающей внешностью, что речка чуть не прыснула со смеху. Но скоро и она поняла, что ситуация отнюдь не шуточная.

*

Акула как могла пыталась исправить содеянное. Она нырнула под брюхо плота и бережно приподняла его из воды на своей широкой синевато-чёрной спине. Сдуваемая резина облепила ей бока и частично закрыла глаза, но она не подала даже виду, что ей тяжело и неудобно. К счастью, днище плота состояло из нескольких отсеков, и один уцелел. Человек снова был спасён, но по-прежнему не вылезал из своего убежища и даже не шевелился.

– До ближайшего обитаемого острова пятьдесят миль. Если погода не помешает, мы доберёмся туда часа за четыре, – кратко обозначила акула свой план.

Речка не верила собственным ушам. Такого поворота событий она никак не могла представить. «Ловко же я её провела! – дивилась она сама себе. – И как мне пришло такое в голову: выдать незнакомца за учёного? Чего только не придумаешь в состоянии шока!»

Речка бы ещё долго себя расхваливала, но акула прервала её грубым окриком:

– Пошевеливайся! С такой ношей я долго не протяну!

– Бегу-бегу! – заторопилась Незнамка. Неуклюжим рывком она догнала акулу и буквально приклеилась к ней, как рыба-прилипала. Плыть бок о бок с такой грозной хищной рыбиной было для речки очень почётно и оттого волнительно. «Видели бы меня сейчас утки и цапли из моей деревни! Ох бы и удивились!» – от души размечталась она.

Радость и упоение собственной персоной вскоре сменились тревогой. Речка начала переживать, что акула каким-то образом может заподозрить обман. Но разговор, который та затеяла, все страхи быстро развеял.

– Бульон из акулих плавников! В голове не укладывается, что в двадцать первом веке ради тарелки супа люди готовы нас полностью истребить!

Акула в упор посмотрела на речку, грозно ожидая от неё одобрения своих слов.

– Это ужасно! – согласилась Незнамка, не успев придумать ничего более оригинального.

– Однажды я видела, как это происходит, – сказала акула, не сводя с речки стеклянных немигающих глаз. – Сначала люди нас приманили: на запах тухлого мяса приплыло много акул разных видов: большая белая, тигровая, лисья, мако и рыба-молот. Я чудом тогда не попала на крючок. Люди вытащили на борт с десятков крепких молодых акул. Затем рыбаки отрезали им все плавники и выбросили искалеченные тела обратно в океан. Бедняги, ещё живые, камнем опускались на дно и там мучительно умирали. Я ничем не могла им помочь. А смотреть на всё это было так больно и страшно, что я трусливо уплыла подальше.

Прежде Незнамка никогда бы не подумала жалеть ненасытных хищниц, но услышанное растрогало её до слёз. Ей даже показалось, что глаза акулы тоже на мгновение увлажнились и заблестели. Речка чувствовала себя очень неловко. Её обман уже не казался ей превосходной идеей. Она осознала, что по отношению к акуле поступила подло. «Раньше я думала, что акулам всё равно, чем набить брюхо. Но оказывается, что и у них есть представление о добре и зле, о справедливости и гуманности», – пришла речка к неожиданному для себя выводу.

– О чём задумалась? – по-свойски, но без грубости в голосе спросила акула.

– О вашем поступке, – не стала скрывать Незнамка. – Он очень благородный.

Акула не ожидала такого комплемента и смутилась.

– При чём тут благородство? Это скорее мудрость! – буркнула она, показательно раздражаясь. – Ведь глупо есть того, кто тебя защищает.

Возразить на это речка ничего не могла, а признаться в обмане не решилась: ей по-прежнему очень хотелось спасти человека. Дальше они плыли молча: каждый был погружен в свои мысли. Часа через два акула заметно устала и сбавила скорость. Плот для неё оказался непосильно тяжёлым. К тому же он постоянно сползал с её гладкой и мокрой спины. И тогда ей снова и снова приходилось проделывать чуть ли не цирковой трюк, чтобы вернуть его на место.

И вот, когда силы акулы были уже совсем на исходе, Незнамка разглядела в вечерней дымке землю. Это был небольшой и очень живописный остров, который издалика напоминал овальную тарелку с золотой каймой и грудой брокколи посередине.

– Мы сделали это! – закричала Незнамка, срывая голос.

Акула была уже не в силах что-либо произнести, но её широкая, напигованная зубами улыбка выражала радость красочнее любых слов. Ободрённые близостью цели, они даже прибавили в скорости. Но едва только акула увидела бегущих вдоль берега людей, она резко остановилась.

– Дальше я не поплыву, ты уж как-нибудь без меня... – невразумительно объяснила она.

– Ты что? Осталось же совсем немного! – в недоумении заголосила речка. Она была сильно расстроена. За этих пять-шесть часов, что они провели вместе, Незнамка прониклась к акуле искренним уважением и симпатией и уже зачислила её в свои подруги.

– Нет-нет, к людям я не приближусь, – решительно заявила акула. – Они видят во мне исключительно убийцу. И поэтому всегда действуют на опережение.

– Но я одна не справлюсь. Плот практически сдулся, – заныла речка, стараясь говорить как можно жалостливее.

– Справишься, – утвердительно закивала акула, не поддаваясь на уговоры. – До берега осталось немного. Всю работу за тебя сделает прилив.

– Может, тогда ты подождёшь меня здесь? – спросила Незнамка, даже не пытаясь скрыть сильное волнение. Она надеялась продолжить своё океанское путешествие в компании акулы и очень боялась отказа. Акула это давно поняла, и такое слепое доверие её весьма тронуло. Но обременять себя дружбой она решительно не хотела. А растолковывать это Незнамке казалось занятием утомительным и бессмысленным, поэтому акула притворно согласилась её дожидаться.

Речка так и засияла от счастья. С радостным воодушевлением она приняла у акулы плот, как желанную эстафету, и с невиданной для себя прежде скоростью погнала его к берегу. Но без жёсткой опоры плот быстро скукожился, зачерпнул воды и начал медленно, но неотвратимо тонуть.

К счастью, на этот раз волны не мешали, а наоборот, помогали Незнамке. Акула была права, когда сказала, что прилив сделает за речку всю работу. Так и произошло. Волны быстро, но аккуратно передавали плот друг другу в направлении суши. И вот когда он уже окончательно сдулся и по всем законам физики должен был утонуть, высокой пенящейся волной его выбросило на берег.

*

Сразу подбежали какие-то смуглые люди в ярких купальных одеждах и, взявшись за рваные края плота, протащили его пару метров вглубь пляжа, подальше от воды. Затем один из них – тот, что громче всех кричал и обильно жестикулировал – приподнял тент, откинул штору входа и просунулся внутрь.

Вызволить человека из этой резиновой западни ему помогали уже товарищи. Они оттащили неподвижное тело на песок и принялись его ощупывать и всячески теревить. Незнамка замерла в ожидании. Никогда прежде она не испытывала такого сильного волнения.

Вдруг послышались радостные крики, свист и аплодисменты. Толпа немного расступилась, и речка увидела своего знакомого уже сидящим на песке. Чувство радости ошпарило её, как кипятком. Наконец она смогла хорошенько разглядеть спасённого. Это был мужчина лет тридцати пяти, высокий, худощавый, со светлыми длинными волосами, собранными в хвост.

Незнамке он показался фантастически красивым! Она даже поймала себя на мысли, что вот уже несколько минут им беззастенчиво любитесь. Примерно те же эмоции испытывает художник, когда очень доволен и горд своим новым творением...

Вдруг мужчина упал на колени, обхватил голову руками и начал выкрикивать срывающимся голосом женские имена: «Элли, Мэри». Снова: «Элли, Мэри». И так много-много раз подряд. Он выл как обезумевший, дико стонал и не переставая плакал.

Столько в его крике было отчаяния, боли и страха, что Незнамка совершенно растерялась и застыла от ужаса. Но скоро объяснение как-то само сложилось в её голове: «Наверное, Элли и Мэри – это его близкие. Возможно, жена и дочь. Они тоже были на яхте и во время шторма погибли...»

Мужчину даже никто не пытался успокоить – люди обступили его и молча, в каком-то неловком оцепенении сопереживали его горю. Через некоторое время крики спасённого слились с воем приближающейся сирены. Все, словно расколдованные этим внезапным звуком, снова засуетились, кто-то побежал встречать скорую.

Двое врачей в белых халатах протиснулись сквозь толпу и быстро, отлаженными движениями усадили потерпевшего на носилки. Мужчина не сопротивлялся и почти затих. Он казался таким жалким, испуганным и беспомощным, как если бы лишился рассудка. Последнее, что увидела Незнамка – его мутные, выплаканные до пустоты глаза. Но даже в этой пустоте ей настойчиво мерещился вопрос: «Зачем ты меня спасла?»

В мечтах речка уже получила медаль и грамоту за проявленное мужество. Но теперь приятное чувство гордости стало невыносимо горчить. Она печально отвела от берега глаза и поспешила обратно в океан. Ей хотелось поскорее найти акулу и развеять в её компании грустные мысли.

Чтобы не огорчать подругу, она снова решила прибегнуть к обману. В новой трактовке история спасения выглядела так: когда плот пристал к берегу, мужчина очнулся и вылез наружу. Он плакал от счастья, выкрикивал слова благодарности и даже целовал песок. Местные жители обнимали его и качали на руках. Это было поистине трогательное зрелище, и речка очень жалеет, что акула не видела его собственными глазами...

Незнамка так усердно фантазировала, что почти сама поверила в историю со счастливым концом. Ей не терпелось рассказать её акуле, но той нигде не было видно. Через час напрасных поисков речка поняла, что акула вовсе не собиралась её дожидаться. «Неужели она меня обманула? – поразила Незнамка собственной догадке. И тут же попыталась себя утешить. – Ну и поделом мне. Теперь мы квиты!»

На самом деле её обида была так велика, что вобрала бы в себя целый океан! Предательство акулы стало для Незнамки той последней каплей, что может переполнить даже речку. Её с головой захлестнули негативные эмоции.

«Что я тут делаю? Кого обманываю? – всё больше заводилась она. – Океан никогда не станет для меня домом. Я не найду здесь ни покоя, ни друзей. А ведь всё это было в деревне, куда мне теперь нет возврата...»

Ещё одна новая мысль угнетала речку. Прежде она никогда не задумывалась о том, что в океане тонут корабли и погибают люди. Конечно, людей она недолюбливала, но точно не желала им смерти. «Оставаться в океане, – рассуждала она, – значит соучаствовать в его преступлениях: топить суда с пассажирами, крушить нефтяные танкеры, обрушивать цунами на прибрежные города...»

На такие злодеяния Незнамка никогда бы не решилась! Ведь она не тронула за свою жизнь и букашки – в прямом смысле слова. Часто бывало, что невнимательные жуки, мухи и всякая другая мелочь падали в речку и отчаянно барахтались в воде, дрыгая тонюсенькими лапками. Незнамка ругалась и ворчала, но старалась спасти каждую козявочку! Лёгкой волной она направляла насекомых к берегу, давая им возможность зацепиться за траву или коряги.

– Эх, сколько воды с тех пор утекло... Если б можно было всё вернуть назад и каким-то волшебным образом снова очутиться в деревне! – мечтательно размышляла речка, то и дело всхлипывая и шмыгая носом.

Без цели и в полном одиночестве она скользила по зеркальной глади океана и с отчаянным мазохизмом предавалась тоске по дому. Ещё бы недолго – и она вконец себя замучила, но ей на помощь снова пришёл Ураган! Да-да, тот самый, что доставил её в Атлантику. Речка далеко не сразу поверила своему счастью. Ей сперва показалось, что она бредит и Ураган говорит с нею только в её воображении.

– Ну здравствуй, путешественница, – ласково прошептал он ей на ухо. Незнамка подумала, что ей померещилось, и не стала утруждать себя ответом.

– А ты, вижу, успела меня позабыть, – сказал Ураган с доброй укоризной. – Это и неудивительно. Знакомые ветры рассказывали мне о твоих невероятных приключениях. Говорят, ты даже совершила подвиг – спасла человека. Это правда?

– Да, – равнодушно подтвердила Незнамка и в этот момент словно очнулась от сна. – Неужели ты вернулся? – воскликнула она с такой искренней радостью, что Ураган расчувствовался.

– Прости, я улетел тогда без всякого предупреждения, – счёл он нужным извиниться. – Это всё твой скверный характер! Но мне не стоило обижаться и оставлять тебя одну.

– Признаю: я вела себя очень глупо, – даже не пыталась оправдаться речка. – Но неужели мне теперь ни за что не попасть домой?

И хотя она прекрасно знала ответ, он всё равно прозвучал неожиданно и жестоко:

– Обратного пути нет... – услышала она суровый вердикт и в ту же секунду разревелась. Ураган, который жутко боялся истерик и слёз, малодушно подумал улететь прочь, но не посмел. И тут его осенила абсолютно фантастическая идея.

– Уверен, что ты не согласишься, – сказал он робко, – но я могу вернуть тебя домой в виде облака!

Заинтригованная речка перестала плакать и замерла в ожидании объяснений. Ураган сам не до конца понял, что сказал – оттого попытался развить свою мысль вслух.

– Представь, что ты испаришься и станешь облаком. Тогда я в два счёта доставлю тебя в деревню.

Затем он немного подумал и, уже явно разочарованный этим планом, со вздохом добавил:

– Прости! Ничего не выйдет! Ведь из облака ты никак не превратишься снова в речку. И только дождем прольёшься на землю...

– Прольюсь? Просто прольюсь дождём? Как же так?! – начала сокрушаться речка, почти перейдя на крик. Её возмущению и обиде не было конца. Она разве что не метала в Ураган молнии, как настоящая грозная туча. Ураган уже сто раз пожалел, что осмелился предложить такое!

– Хватит ругаться! – взмолился он. – Ведь я тебя не принуждаю!

И услышал не поддающийся никакой ураганьей логике ответ:

– Я согласна.

Глава XII, в которой речка задумывается о проблеме мусора

Пошли уже вторые сутки, как речка не торопясь, но почти без остановок плыла в направлении Африки. По замыслу Урагана, ей следовало отыскать место, где этот загадочный континент пересекается ещё более загадочным экватором.

– Там ты быстро поджаришься до нужного состояния. А нужное для тебя состояние – это пар, – напутствовал Ураган речку при расставании. – Когда ты превратишься в облако, я разыщу тебя, и мы вместе отправимся домой.

Незнамка упорно пробиралась сквозь волны, снова и снова прокручивая в голове слова Урагана. Они то внушали ей уверенность и оптимизм, то ввергали её в полное отчаяние и панику. «Да сколько можно сомневаться! – корила она себя. – Ведь решение принято. Точка!» И тут же мысли опять пускались бежать по кругу, возвращая её к уже отвергнутым вариантам. «А может, оставить всё как есть или, ещё лучше, перебраться в Тихий океан?»

Но сердцем она так рвалась домой, что ей ничего не оставалось, кроме как следовать инструкциям Урагана. Чтобы речка не сбилась с пути, он научил её

ориентироваться по звёздам. Прошлой ночью Незнамка опробовала этот способ и осталась им очень довольна. По расчётам Урагана, её путь должен был занять три дня, так что половина маршрута уже осталась позади.

В минуты радости и предвкушения хорошего – то есть когда авантюра с перевоплощением казалась ей правильной идеей – Незнамка рассуждала: «Стать облаком – это же так романтично и ново! Воспарить над океаном и презрительно крикнуть ему: «Счастливо оставаться!» Но куда чаще ею овладевали страх и растерянность, и тогда она ясно видела своё тупиковое положение.

Следующие сутки путешествия не были омрачены ни плохой погодой, ни опасными встречами, разве что сомнением в необходимости самого этого путешествия... И вот ранним утром третьего дня речка наконец почувствовала близость земли. Всё громче раздавался насмешливый крик чаек, тёмные воды Атлантики неожиданно посветлели, и даже повеяло чем-то затхлым. Как выяснилось позже, запах исходил от болотистых мангровых лесов, которые служили домом для самых причудливых африканских растений и животных.

*

Встретился Незнамке и менее приятный вестник скорого причала. Сквозь утреннюю дымку вдруг проступил уже знакомый силуэт нефтяной платформы. Теперь речка знала, что это никакой не дракон, и всё же она испугалась и сильно расстроилась.

– Неужели и здесь небезопасно? – возмущительно-горько выплеснула она. – Сколько же человеку нужно нефти? Или он намерен выкачать её всю?

– Много-много, всю-всю, много-много, всю-всю! – синхронно зазвучали сотни юных голосов, как будто запел детский хор.

В глазах речки рябило от блестящих и переливающихся на солнце серебряных спин маленьких рыбок, которые лихо выпрыгивали из воды и, пролетев несколько десятков метров, снова ныряли в волны.

– Много-много, всю-всю, много-много, всю-всю! – снова и снова громко выкрикивали рыбки, пока витали над океаном.

Но речка не столько к ним прислушивалась, сколько приглядывалась, так как её очень заинтересовала технология их невероятного полёта. Понаблюдав за рыбками, она сделала вывод, что из воды они выпрыгивают с помощью мощных ударов хвостом, а парят благодаря расправленным большим грудным и брюшным плавникам. Но даже такое тривиальное объяснение не лишало их полёт красоты и зрелищности.

– Скажите, пожалуйста, – крикнула им вслед Незнамка, – далеко ли экватор?

– Близко-близко, близко-близко! – защебетали рыбки, как стайка воробьёв, и скрылись под водой, словно их и не было вовсе.

– Если вы ищете экватор, вам следует взять правее, – вежливо обратилась к Незнамке серебряная рыбка. Она была точь-в-точь как те, что пронеслись над речкой минуту назад, но почему-то не пыталась взлететь и сильно отстала от сородичей.

– А ваши друзья уплыли вооон туда, – тоже любезно сказала речка и плеснула водой в нужном направлении.

– Спасибо, я не заблужусь, – улыбнулась рыбка. – У меня повреждён плавник на брюшке, поэтому я не могу летать. – И она расправила прозрачные крылышки, чтобы продемонстрировать свою травму. Один из плавников был действительно сильно порван и, казалось, вот-вот оторвётся.

– Где же вы так поранились? – с заботливым возмущением спросила речка.

– Это произошло из-за мусора, – печально ответила рыбка. – С каждым годом его становится всё больше. Я не раз наталкивалась на целые острова из пластиковых отходов. Некоторые приходилось огибать десятки километров!

Её большие выпуклые глаза, прежде пустые и молчаливые, теперь отчаянно кричали о пережитом горе.

– Год назад я установила рекорд по дальности полёта. Преодолела чуть больше трехсот метров и не успела увернуться от скопления мусора. Спикировала прямо на металлический контейнер...

Рыбка замолчала, видимо, мысленно вернувшись к моменту злосчастного удара, и после непродолжительной паузы добавила:

– Мне ещё повезло. Количество разбившихся насмерть идёт уже на тысячи. И страдаем не только мы. Многие рыбы принимают мелкие кусочки пластика за планктон, птицы глотают цветные крышки и кольца от бутылок, а морские черепахи охотятся на целлофановые пакеты, думая, что это медузы. Итог каждой такой ошибки – мучительная смерть!

«Как бы и мне не угодить в какую-нибудь плавучую помойку», – подумала речка обречённо, словно уже считала это неизбежным, а вслух сказала:

– Раньше я завидовала океану, а ему, стало быть, надо сочувствовать...

– И всем его обитателям, – закончила рыбка, как ей показалось, незавершённую мысль. Затем она стала прощаться:

– Поплыву догонять своих! Сегодня особый день. Весь косяк соберётся у берега, чтобы метать икру.

Она кокетливо улыбнулась и прикрыла зардевшиеся щёчки хвостом. Но на речку это не произвело никакого впечатления. Ведь рыбка далеко не была красавицей. Только полёт превращал этих невзрачных созданий в чудесных водяных фей.

– И вот что любопытно, – всё не торопилась уплывать рыбка, – раньше мы старательно искали для своих икринок плавающие ветки, перья птиц, кокосовые орехи и отмершие водоросли. Но с появлением в океане мусора всё стало проще. Теперь мы прикрепляем будущих мальков к пластиковым бутылкам. Это очень удобно и надёжно. Так что нет хуже без добра!

Незнамка в ответ согласно закивала. На том они и расстались. Речка, следуя совету, взяла правее и уже через полчаса увидела африканский берег. Он был ещё очень далеко – едва уловим, – и она боялась потерять его из виду и сбиться с пути. А затем произошло невероятное: речка почувствовала запах и вкус пресной воды! И чем дальше она плыла, тем менее солёным становился океан.

– Может быть, мне это снится или я сошла с ума? – действительно чуть не обезумев от счастья, воскликнула Незnamка. – Если б я могла себя ущипнуть!

А ведь не так давно жизнь в деревне казалась ей слишком пресной. И только съев в океане в прямом смысле пуд соли, она поняла цену речной воды...

– Её и пить можно, и огороды поливать! – словно оппонировала кому-то речка. – А океанская ни на что не годится. Не огурцы же в ней солить, в самом деле!

Незнамка была в прекрасном настроении! Она радовалась пресной воде, но пока не понимала её происхождения, и лишь когда подплыла ближе и смогла хорошо разглядеть берег, то узнала разгадку. Оказалось, что в океан впадала широченная река, опресняя его на несколько десятков километров.

Глава XIII, в которой речка узнаёт, что люди могут испаряться

Дельта реки была во власти мангровых деревьев. Незнамка с удивлением разглядывала их корни, обнажённые отливом. Извилистые и цепкие, они сплелись намертво, выстлав под кронами непроходимый ковёр.

– Как странно видеть то, что у обычных растений скрывается под землёй, – вслух комментировала Незнамка свои наблюдения. – Эти деревья похожи на саженцы, которые ненадолго вынули из горшков, чтобы пересадить в грунт, но почему-то забыли это сделать...

И вот уже новая мысль теснила все остальные:

– Надо непременно познакомиться с этой могучей рекой. Уж она точно красуется на географических картах. Правда, сначала желательно что-нибудь о ней разузнать. Хотя бы её имя.

Незнамка огляделась, но никакого движения вокруг не наблюдалось. Только глубоко в манграх, очевидно, между совсем не райскими птицами шла жестокая перебранка.

Вдруг внимание речки привлёк серый булыжник, который выглядывал из копны водорослей на песчаном дне. Незнамке показалось, что он шевельнулся. Сначала она приняла это видение на счёт своего недосыпа, но когда от камня пошли пузыри, серьёзно насторожилась.

А дальше она лишь испуганно наблюдала, как огромная ожившая глыба валяжно поднимается на поверхность. Первой показалась тупая щетинистая морда с двумя ноздрями-туннелями, которые жадно втянули воздух. Затем рыхлые мясистые губы зашлёпали что-то невразумительное.

Чтобы понять, агрессивно ли чудовище настроено, речка попыталась заглянуть ему в глаза. Но они оказались до того малюсенькими и так глубоко утопали в его жировых складках, что речка едва их отыскала. Они и на глаза-то были мало похожи, а скорее напоминали точечные утяжки на кожаном диване.

Незнамка перебрала в голове все известные ей формы жизни, но серая тучная фигура не вписывалась ни в одну из них.

– Вы меня уж больно пристально разглядываете! Разве можно так смущать? – без всякой злобы пожаловался гигант.

«Тебя засмущаешь!» – презрительно фыркнула речка, быстро поняв, что двухсоткилограммовый великан не опаснее головастика.

– Я в этих местах впервые, – заговорила она уже громко, – поэтому ничего не знаю: ни кто вы такой, ни название реки, что впадает в океан...

Оживший камень снисходительно улыбнулся, отчего многочисленные складки на его морде стали глубже и чётче.

– Я ламантин, – представился он вполголоса. – Не бойтесь меня, я травоядный и питаюсь исключительно водорослями. Нас осталось очень мало – потому никто и не узнаёт! А что касается реки, то она как раз всем известна. Зовётся Нигер и впадает в Гвинейский залив.

– Хотела бы я с ней подружиться, – бодро начала Незнамка и тут же сникла, – а вот она со мной вряд ли...

– Зря вы о ней такого мнения, – возразил ламантин. – Эта река – деликатнейшая натура, я вам скажу. С очень богатым прошлым и трудной судьбой.

– Тогда я с ней с удовольствием познакомлюсь, – оживилась Незнамка.

Она скользила глазами по шершавой морде ламантина и чувствовала, как он перевоплощается. Точнее, стремительно менялось её отношение к нему. Приятный, убаюкивающий тембр его голоса вселил в речку спокойствие и уверенность. Лилипутские глаза придавали этому великану трогательный и беззащитный вид. А когда Незнамка

увидела на его лапах белые ноготки, то едва сдержалась, чтобы не засмеяться. Более нелепого и одновременно очаровательного существа она ещё не встречала.

– Давайте дождёмся прилива и вместе отправимся вверх по реке! – предложил ламантин, не скрывая, что он будет очень рад такой совместной прогулке.

– А экватор отсюда далеко? – спросила Незнамка, проигнорировав его слова, впрочем не нарочно. Она вдруг вспомнила цель своего путешествия и снова засомневалась, превращаться ей в облако или нет. Ламантин не обиделся. Его толстокожесть была универсальной. С добрейшим настроем он ответил:

– Экватор недалеко, но путь к нему очень опасен. Если плыть вдоль побережья, то не миновать грязных портов и нищих деревень. Люди повсюду оставляют нечистоты и зловонные свалки, гигантские пятна нефти и мазута. Боюсь, шансов добраться до экватора невредимой у вас никаких.

*

Речка с недоверием и прищуром осмотрела береговую линию, которая, как и многое в океане, казалась бесконечной. Вдали над зелёной лентой мангров стелился плотный чёрный дым, в котором угадывались ветхие крыши трущоб.

– Думаю, лучше последовать вашему совету, – сказала речка не вполне утвердительно, явно демонстрируя интонацией, что она ещё в раздумье – боялась, что ламантин заподозрит её в трусости. Затем она очень доверительно спросила:

– Как вы считаете, в этом заливе у меня есть шанс испариться?

– Стопроцентный! – не думая ни секунды, ответил ламантин. – Здесь даже люди испаряются!

– Это как? – до испуга удивилась Незнамка.

Впервые за время разговора она проявила к словам ламантина интерес. Он это с удовольствием отметил и даже решил потомить речку молчанием. Но сам не выдержав и минуты, принялся разъяснять:

– На нефтяных платформах, которых здесь пруд пруди, работают иностранцы. Вот они-то регулярно и пропадают. Их похищают местные пираты ради выкупа.

– Я думала, пиратов можно встретить только в приключенческих рассказах! – не сбавляя высокой степени удивления, заметила речка.

Ламантин был счастлив убедиться, что овладел-таки её вниманием. Растянув свои толстенные губищи в неподражаемую улыбку, он продолжил:

– Себя они называют повстанцами. Говорят, что деньги им нужны для борьбы за независимость Нигерии от иностранных компаний, которые прибрали к рукам все её нефтяные и газовые месторождения. Нигерийцы действительно живут крайне бедно, в большинстве посёлков нет ни воды, ни электричества, ни дорог.

– Значит, эти пираты молодцы? Настоящие герои-защитники?! – заключила Незнамка, как поистине романтическая натура.

– О! Я бы не торопился их так называть! – сразу осадил её ламантин. – Эти парни отнюдь не Робин Гуды! Они натворили бед куда больше, чем все иностранцы вместе взятые.

Видя, что любопытство речки не иссякает, ламантин продолжил:

– Они воруют нефть, пробивая отверстия в трубопроводах. Страшно представить, сколько нефти попадает при этом в воду! В реке гибнет всё живое, редуют мангровые леса, даже земля, как губка, насквозь пропитана этой чёрной дрянью.

– И что вы собираетесь делать? – с воинственной горячностью потребовала Незнамка ответа. Но почувствовав полное смирение и безразличие ламантина, смущённо добавила:

– Ну ведь надо же что-то делать...

Ламантин раздражённо затряс головой-гирей.

– Людей не перекуёшь! – сказал он с грустью. – Такими уж неразумными их создала природа. Это единственный известный мне вид, который осознанно и планомерно уничтожает сам себя. А нас они не жалеют и подавно...

Такой безутешный вывод Незнамку сильно расстроил, зато, к радости ламантина, умирил. В дельту реки Нигер они заплыли, сохраняя полное молчание.

*

Прилив, сначала робко и нежно затронувший светлые корни мангров, быстро осмелел и вошёл во вкус, поглотив их целиком, и теперь уже облизывал нижние листья крон. Затопленными оказались зелёные луга разносортной травы и жёлтые россыпи песчаных островков. Новорождённое морское дно тут же принялись осваивать пёстрые рыбки, рачки и чёрные, как тени, скаты. Солнце бросило в воду искрящийся невод. Это сетчатым узором дрожали и мерцали на песке солнечные блики. Было тепло, красиво и тихо.

Вдруг, к большому огорчению Незнамки, спокойная прозрачная вода заволновалась и помутнела. Со дна во все стороны потянулись плотные клубы ила и песка, так что речка даже поперхнулась.

Виновник нашёлся быстро. Сквозь мутную завесу Незнамка разглядела широкую спину ламантина, плавно переходящую в приплюснутый блином хвост. Голова его полностью скрылась в тёмно-бурых водорослях, которые он поглощал с отменным аппетитом. Большую их часть он вырывал прямо с корнем, подкапывая растения передними лапами, и тем самым тормозил грунт.

– Простите, – откашливаясь и жмурясь, обратилась к нему Незнамка, – вы ещё долго будете обедать?

Ламантин прервал трапезу и выглянул из густых зарослей. Незнамка улыбнулась – опять он смотрелся комично! Водоросли широкими лентами обвили его толстенную шею, уложившись в аккуратный венок. «Остаётся только подвесить колокольчик, и вот вам морская корова», – подумала про себя речка.

– Извините, – засмутился ламантин, увидев её смешливую гримасу. – Я так огромен, что мне трудно себя прокормить. Я раб своего желудка: думаю только о еде. И если встречаю любимое лакомство – молодую сочную ламинарию, – не остановлюсь, пока всю не съем...

– Если так, то плыть мне дальше одной, – удручённо сказала Незнамка, обводя глазами целую плантацию морской капусты.

– Да, это будет лучше, – стыдливо согласился ламантин и, скомканно попрощавшись, нырнул в бурые локоны водорослей.

Речка несильно горевала: она уже привыкла, что все её новые знакомые исчезают внезапно и в самый неподходящий момент.

Глава XIV, в которой речка расстаётся с последними иллюзиями

За сотни километров от океана русло Нигера, как сизое атласное полотно, кромсалось на множество протоков. В одном из них и оказалась Незнамка. Она плыла против течения, с большим трудом преодолевая пороги, но даже уставшая и измученная, находила в себе силы любоваться пушистыми от зелени берегами. Низкие, они далеко проглядывались и были очень живописными.

Повсюду – в небе и воде, на ветвях деревьев – то цветастыми точками, то чёткими силуэтами вспыхивали птицы: бакланы, цапли, крачки, журавли, ибисы... Крупных африканских животных речка, к своему огорчению, не увидела. А вот звуки с берега доносились угрожающие: рычание, фыркание, сопение и даже чавканье.

Но больше всего Незнамка восторгалась многочисленными островками, что запрудили всю протоку и которые ей приходилось с усилием огигать. Они напоминали ей песочные корзинки со взбитыми сливками мятного цвета – так плотно заволокло их густой растительностью. Пышные кроны деревьев, что росли на этих оазисах, имели самые причудливые формы. В них Незнамка ещё издали старалась угадать какой-нибудь предмет или животное.

Она до того увлеклась этой игрой, что чуть не искупалась в большом нефтяном пятне – лишь в последний момент заметила перед собой радужную плёнку! «Моё путешествие становится опасным», – затревожилась Незнамка. Но любопытство повлекло её дальше – к излучине реки. «Только посмотрю за поворот и быстро назад», – договорилась она сама с собой.

Картина, которая открылась Незнамке после изгиба реки, заставила её содрогнуться. Широкая пойма, что стелилась по правому берегу, была черным-черна от нефти. Повсюду – в воде и на земле в нефтяных лужах – плавали ржавые бочки. Десятки утлых лодок-каное лежали на отмели полузатопленными или перевернутыми вверх днищем. Они тоже были перепачканы нефтью, словно их целиком просмолили битумом. Редкие деревья на берегу стояли чёрными свечами без листвы и почти без сучьев, как опалённые пожаром.

Незнамка не к месту вспомнила детскую страшилку о чёрной-чёрной комнате. Там, в деревне, по вечерам, устроившись на гигантской крыше от КАМАЗа, что лежала на берегу, мальчишки часто пугали девочек подобными глупыми рассказами. И вот дурацкая небылица стала явью!

Среди всей этой черноты выбивалась из общего колорита только уродливая арматура нефтяной скважины. Широкие трубы с огромными вентилями были выкрашены в грязный болотный цвет. Скважина была заброшена, но утечка нефти явно продолжалась.

Незнамка очнулась от шока и решила: «Надо поскорее удирать отсюда, если я не хочу, чтобы в скором времени обо мне слагали легенды как о чёрной-чёрной реке».

*

Проплыв немного в обратном направлении, Незнамка услышала жалобный плач. Кто-то из всех сил пытался сдержать слёзы, но это ему плохо удавалось. Речка прислушалась внимательней и быстро нашла источник печального звука. В тени большого зелёного острова она увидела до того грустную физиономию, что сердце её сжалось от сочувствия.

– Так это вы и есть великая река Нигер? – наотмашь спросила Незнамка.

– Удивительно, что ещё кто-то признаёт за мной величие, – ответила река, стараясь взбодриться. Это была весьма зрелая дама с острыми сапфировыми глазами. Их глубину и чистоту не скрадывала даже пелена слёз. Немного успокоившись, она решила объяснить:

– Эти нефтяные клоаки расползаются по мне, как смертельные язвы. Люди вконец хотят меня извести. А ведь я даю им и воду, и пищу, и электричество!

– Неужели они не понимают, что вредят сами себе? – лстиво возмутилась Незнамка, которой очень хотелось продолжить разговор.

– Вот-вот! – откликнулась река с оживлением. – Люди совсем обезумели! Даже их колодцы с некогда чистой водой теперь наполнены нефтью: так глубоко она

просочилась в почву. А ведь если кому и принадлежит нефть, так только мне одной! Это мои донные отложения в течение миллионов лет.

Незнамка, шокированная космической цифрой, захотела узнать точный возраст реки. Но, помявшись, так и не осмелилась задать столь деликатный вопрос.

– С меня довольно! – вместо этого выдала она реплику, которая в большей степени подошла бы её собеседнице. – Теперь ничто не изменит моего решения вернуться домой!

Её эмоциональное заявление очень заинтриговало реку Нигер. На время она даже отвлеклась от своих горестей и принялась выпытывать у Незнамки подробности. Речка охотно рассказала свою историю. Из её же собственных слов выходило, что размеренную и счастливую жизнь в деревне она променяла на опасное и одинокое шатание по злему океану.

– Ах, как вы, наверное, раскаииваетесь! – обронила река с притворным сочувствием. Бессознательно она радовалась, что не одинока в своих бедах.

– Я всё исправлю! – с металлом в голосе отрезала Незнамка. Вид угнетённой и затравленной реки, как ни странно, не испугал Незнамку, а напротив, пробудил в ней решительность и смелость.

– Где у вас тут самое мелкое и тёплое место? – спросила она, не выходя из образа сурового комиссара.

Река Нигер хоть и раскритиковала её авантурный план, но в совете не отказала:

– Плыви вниз по течению, затем сверни в левый рукав и далее до песчаного переката. Там выводят потомство крокодилы – не ошибёшься.

Незнамка без сожаления простилась с горе-рекой. Ни зависти к её статусу, ни трепета перед ней она уже не испытывала. Лишь сочувствие, которое разъедало некогда прекрасный образ, словно азотная кислота...

*

Незнамка добралась до нужного места очень быстро. Найти его и правда оказалось несложно, ведь оно буквально кишело крокодилами. Их широкие гребнистые спины выступали из воды, заполнив всю её гладь – от одного берега до другого, – и были похожи на притопленные сосновые брёвна. Издалека могло показаться, что по реке сплавляют лес.

Гигантские туши крокодилов вызвали у речки отвращение. Соприкасаться с ними было настоящей пыткой. Свою прежнюю брезгливость к головастикам и пиявкам она теперь вспоминала как глупое жеманство. Крокодилы – вот с кем соседство действительно оказалось до мерзости неприятным.

Речка не пожалела сил, чтобы обогнуть каждую рептилию на своём пути к берегу. Но встречи с ними ей избежать всё же не удалось. Некоторые из них только казались мирно дремавшими. В самый неожиданный момент они словно срывались с якоря и, клаца зубами, пересекали Незнамку, чем приводили её в полнейший ужас.

В таком стрессовом состоянии она наконец добралась до отмели и почти без чувств улеглась, как на перину, на тёплое песчаное дно. Когда же она поняла, что вода здесь в прямом смысле бурлит от маленьких крокодильчиков, сил искать новое пристанище уже не было.

«Чудное место я выбрала! – иронично брякнула она себе под нос. – Это ж крокодилы ясли!» И хотя детёнышей было действительно очень много, зато они приятно отличались от родителей крохотными размерами. «Не длиннее речных окуней», – прикинула Незнамка. Она даже нашла их вполне симпатичными. Их жёлтые кошачьи глаза сотнями то появлялись из воды, то исчезали, как пузыри на лужах во время дождя. А когда они задирали головы, чтобы слопать приводнившееся насекомое, Незнамка с умилением разглядывала их нижние челюсти, щедро усыпанные чёрными жирными пятнышками.

«Удивительно, что эти симпатяги совсем скоро превратятся в чудовищ», – томно размышляла Незнамка и переводила глаза на берег, где неподвижными восковыми фигурами возлежали крокодилы-мамаши.

Пригретая речка тоже замерла в сладкой неге. Мысли её уже путались, голова стала тяжёлой, и всю её одолела такая слабость, что приплыли хоть дюжина самых страшных крокодилов, она бы не сдвинулась с места. Глаза её накрепко захлопнулись, как створки ракушки, и она погрузилась в сон, полный увлекательных приключений.

Речка и не подозревала, что магия перевоплощения уже начала свершаться. Капли воды непрерывно поднимались в небо в виде частичек пара и зависали над отмелью, хватаясь друг за друга. Им стоило больших усилий держаться на одном месте. К счастью, погода была безветренной, и облачко почти не сносило. Оно всё разрасталось, набухало и плотнело. Сначала прозрачное и чуть видимое, вскоре оно превратилось в жгуче-белую непроницаемую тучу...

Глава XV, в которой речка преодолевает страх высоты

Незнамку разбудил отчаянный вопль какого-то животного, которое имело несчастье оказаться в крокодильей пасти. Звуки страшной расправы очень её напугали, однако не лишили мужества.

Спросонья она хотела броситься жертве на помощь, но, продрав глаза, обнаружила, что повисла в воздухе. И хотя Незнамка долго готовилась к своему перевоплощению, новое состояние привело её в полное замешательство. Между тем крики стихли, и теперь до её слуха доносилась лишь мерзкая возня пирующих рептилий. Незнамка легко отыскала их глазами. Теперь она на всё смотрела сверху вниз, что порождало восторг и ужас одновременно.

– Натворила же я дел! – вымолвила Незнамка, чтобы сказать хоть что-то. Во всём теле она ощущала лёгкость пушинки, но на сердце у неё было тяжело из-за страха перед неизвестностью.

Незнамка испуганно озиралась. Она чувствовала, что стала частью чего-то величественного и большого и вместе с тем потеряла что-то очень важное. И если раньше она мечтала, воспарив над океаном, крикнуть ему какую-нибудь колкость, то теперь ей хотелось во всеуслышание признаться ему в любви. Она затосковала даже по злым штормам и унылому штилю.

Но впасть в отчаяние ей не позволил – уже в который раз – её верный и единственный друг.

– Ты всё-таки решилась это сделать! – заголосил Ураган ещё издалека. А приблизившись, на радостях подхватил тучку и высоко её подбросил, словно титулованную спортсменку.

– Вот сорвиголова! – нахваливал он Незнамку, отчего та моментально задрала нос. Но так же быстро она опомнилась и благодарно пролепетала:

– Спасибо, что не забыл обо мне!

– Вообще-то, я помнил о тебе всё время, – признался Ураган, чуть смущаясь. – И очень за тебя переживал! – родительским тоном добавил он.

Незнамка купалась в заботе и комплиментах. Она так давно не чувствовала дружеского внимания, что теперь впитывала его с дикой жадностью. А Ураган, подстрекаемый её оживлением, усердно распылялся в похвалах. Особенно он выделял историю спасения человека.

Но когда Ураган заговорил о своих собственных приключениях, что произошли с ним за время их разлуки, тучка не выказала ни малейшего желания его слушать. Словно молоточком, в её голове стучала лишь одна мысль: «Домой! Домой! Домой!»

– Домой! – прервала она едва начавшийся рассказ Урагана. Он уже достаточно изучил Незнамку, чтобы не обижаться, и только укоризненно улыбнулся.

– Есть, мой генерал! – отшутился он и, как на скоростном лифте, поднял тучку вверх на три тысячи метров.

Незнамка завизжала от страха, а потом обрушилась на Ураган с упрёками:

– Мне здесь не нравится! Тут холодно и плохо видно землю! Давай спустимся!

– Если ты хочешь поскорее вернуться домой, то стартовать нужно отсюда, – спокойно объяснил Ураган. – Именно на этой высоте я смогу развить максимальную скорость.

– А мне прикажешь всё время дрожать в ознобе? – закапризничала тучка. На самом деле она боялась не столько холода, сколько огромной бездны под собой. Ей всё время казалось, что волшебство вот-вот закончится и она рухнет вниз.

Ураган с лёгкостью её разоблачил и принялся ободрять:

– Пока ты со мной, ничего плохого не случится! В воздухе, равно как и в воде, я за всё отвечаю и всё контролирую! Волны и течения ведь моих рук дело. Ну а в небе я и вовсе полноправный хозяин.

Будь Незнамка речкой, она бы ещё с Ураганом поспорила, но в образе тучки молчаливо признала его превосходство. А он только этого и ждал! Насладившись её замешательством, Ураган нежно обнял Незнамку и с живостью ястреба понёс её на северо-восток, в направлении дома.

*

Незнамка мысленно попросилась с рекой Нигер, которая с высоты выглядела ещё более печальной и незащищённой. Осознала она и масштаб экологического бедствия. Вся дельта реки поблескивала маслянистыми пятнами, и десятки оранжевых огней чернили небо едким дымом. Эти языки пламени были хорошо знакомы тучке. Как сжигается попутный газ, она уже видела. Её лишь потрясло несчётное количество этих бесперебойных факелов.

– Скажи, – пристала она к Урагану, – неужели такое безобразие творится по всей планете?

– Да, – сухо и с ноткой равнодушия ответил Ураган, но только потому, что не хотел показаться слишком чувствительным. На самом деле он глубоко страдал всякий раз, когда видел любые издевательства человека над природой.

Они поднялись ещё выше, и Гвинейский залив съёжился до фрагмента географической карты. Его сильно изрезанные берега со множеством бухт и мысов теперь слились в одну дугообразную кривую. Незнамка нафантазировала, что это гигантский морской ящер в допотопные времена выгрыз большущий кусок в теле Африканского материка. Словно в подтверждение этой версии, в тёмной воде залива аппетитными крошками были раскиданы десятки маленьких островков с вулканическими конусами.

Но недолго любовалась тучка высотными пейзажами. Землю вскоре заволокло густыми облаками. Она бы с радостью с ними поболтала, но Ураган развил такую невиданную скорость, что Незнамка действительно перестала что-либо видеть. Лишь всполохи солнечного света мелькали в рыхлом молочном киселе... А любое сказанное ею слово срывалось с языка ещё до того, как она успевала произнести его до конца. Такой реактивный полёт быстро утомил Незнамку. Она страдала от холода и перенапряжения.

– Помедленнее! Помедленнее! – с трудом размыкая оледеневшие губы, прокричала тучка.

– Глупая! Я выбиваюсь из сил только ради тебя, – не на шутку раздражаясь, рявкнул Ураган. – Если мы не поторопимся, ты прольёшься дождём, так и не увидев дома.

Последний аргумент заставил Незнамку успокоиться и запастись терпением. Она решила применить уже опробованную тактику: закрыть глаза и представить что-то хорошее. В тени сомкнутых ресниц всплыли картинки из деревенской жизни: такой неторопливой, безопасной, предсказуемой – когда покой Незнамки могли нарушить разве что бряцанье пустых вёдер да крик задирчивых уток.

О том, что вернуться в прежнее русло уже никогда не получится, тучка не думала вовсе. Своё перевоплощение она восприняла как чудо. «Так почему бы не случиться ещё одному?» – наивно убеждала она себя, не желая ничего анализировать и ни во что вникать.

Её мысли не распространялись дальше следующей фантазии: она триумфально вернётся в деревню, и её восторженно встретят взрослые, дети, звери, птицы и даже сосны! Её неожиданное появление осчастливит всех без исключения. Деревенские жители закатят по такому важному поводу богатый пир. А Незнамка в окружении друзей будет до самого утра рассказывать им о своих невероятных приключениях...

– Что ты намерена делать, когда окажешься дома? – вдруг озабоченно спросил Ураган.

Худшего вопроса нельзя было и выдумать! Если слово может убить, то это как раз тот случай. Ведь Незнамка надеялась, что именно Ураган позаботится о ней, что он готов на любые жертвы и подвиги ради её спасения...

«Так почему же он задаёт вопросы вместо того, чтобы их решать?!» – вспылила Незнамка, превратившись из тучки в клокочущий сгусток нервов. Ураган понимал, что её обуревают смертельный страх, и оттого был терпелив как никогда. Он благородно сносил все её капризы и упрёки, словно влюблённый в приму-балерину импресарио.

Вдруг воздух задрожал и до краёв наполнился трубным гулом. Он нарастал стремительно и пугающе, и тучка даже не сразу поняла, что это приближается обыкновенный самолёт. Ещё пара секунд – и его перламутровый корпус ослепил Незнамку холодным блеском. Как молния, он сверкнул прямо над ней, кромсая острыми стальными крыльями белую простыню облаков.

Будучи речкой, Незнамка часто и подолгу засматривалась на плывшие по небу самолёты. Особенно ей нравилось измерять длину реактивного следа и вести обратный отсчёт до его полного растворения. С земли эти чудо-машины казались дорогими игрушками на радиоуправлении. Незнамка и представить себе не могла, какие они на самом деле огромные и быстрые. Она досконально знала только характеристики лодок и кораблей, которые теперь уподобились для неё медлительным черепахам.

– Вот это скорость! Вот это скорость! – всё изумлялась она, с трудом перекрикивая рёв турбин.

Её восхищение самолётом Ураган расценил как упрёк и личное оскорбление. Он хорошо понимал, что соревноваться с пассажирским лайнером бесполезно и потому глупо. Знала это и тучка. Оттого её поведение не могло не раздражать.

– Надоело тебе прислуживать! – вспылil прежде сдержанный Ураган. – Лети дальше на самолёте! Только сперва купи билет! – уже со злорадством добавил он.

Тучка чувствовала вину за свои постоянные капризы и оттого, пересилив гордость и едва не срываясь на плач, воскликнула:

– Ну почему мы всё время ссоримся?!

Ураган тут же смягчился, и хотя он не произнёс ни звука, Незнамка поняла, что этот неприятный эпизод будет прощён и забыт.

Глава XVI, в которой речка замыкает круг

После целого дня утомительной гонки Ураган мечтал перевести дух. Он не остановился совсем, но двигался теперь плавно и медленно. Незнамка была этому только рада: у неё наконец появилась возможность обратиться к своим наречённым сёстрам. Она выбрала, как ей казалось, самую весёлую в её поле зрения тучку. Та постоянно меняла форму и уже успела побывать длинным змеем, фарфоровым блюдцем и пышной матроной.

– Здравствуйте, – звонко и решительно поздоровалась Незнамка. – Я стала тучкой всего несколько часов назад и пока не знаю, радоваться мне этому или плакать...

Она почувствовала на себе неодобрительный взгляд, но без смущения продолжила.

– Расскажите, пожалуйста, о своей жизни. Хорошо ли вам гуляется в небе?

Облака, что были повсюду и напирали друг на друга, как пассажиры переполненного автобуса, громко рассмеялись. Но только не тучка, с которой Незнамка заговорила.

– Что за романтическая натура! И не перевелись же ещё такие... – фыркнула она, покачивая белой, словно из ваты, шапкой. И не скрывая высокомерия, продолжила:

– Живётся нам ни хорошо, ни плохо. Мы существа безвольные: куда погонит ветер, туда и несёмся. Захочет – придаст форму царского скипетра или короны, а будет в плохом настроении – так сделает ботинком или килькой. Мы вечные странники: у нас нет ни дома, ни временного пристанища. Всегда в пути, а куда бежим и где прольёмся дождём, не знаем. Но у вас, дамочка, я вижу, положение куда лучше. Неслыханное дело – вам ветер прислуживает! – довольно агрессивно высказалась она.

Незнамка сделала вид, что вполне удовлетворена ответом, хотя вопросов у неё было очень много. Но продолжать разговор в том же духе и тоне казалось бессмысленным.

К счастью, Ураган пропустил обидные для него слова мимо ушей – он задремал прямо на ходу. Незнамка не стала его будить, ведь минуту назад ей доходчиво объяснили, что заботу и помощь такого друга следует ценить.

Солнце тем временем клонилось к закату. От уже не греющих, но волнительно-красивых лучей Незнамка зарозовела. И только её подошва оставалась тёмной и непроницаемой для света, словно низ подгорелой кулебяки.

Облака, прежде волнистые и объёмные, как гряды барханов, в считанные минуты распластались в единую, тянущуюся до горизонта перину. В эту мягкую белоснежную постель солнцу оставалось только нырнуть и, поудобнее устроившись, крепко заснуть.

А вот тучка этой ночью спать не собиралась. Она была слишком взволнована предстоящим возвращением домой. Погруженная в свои то радостные, то грустные мысли, она и не заметила, как на смену жгучему и слепящему солнцу явилась тусклая и холодная луна.

Она была больше и чётче той, что Незнамка наблюдала каждую ночь с земли. «Видимо, сказываются десять тысяч метров, на которые я стала к ней ближе», – подумала тучка, внимательно разглядывая её синюшные пятна. Она знала, что люди называют их морями и океанами, хотя никакой воды на луне нет. «Вот уж в каком океане я бы точно не хотела оказаться! – размышляла тучка, в сотый раз обводя глазами идеальный светящийся круг. – Как там, должно быть, одиноко и скучно!»

Облака к этому времени уже расстроили свои ряды и теперь перемещались хаотично, периодически тараня друг друга, словно автомобили в час пик в какой-нибудь азиатской столице. Луна зарядила их неоновым светом, и на контрасте иссиня-чёрного неба они смотрелись очень эффектно.

– Ничего себе я задремал! – свистнул в тишине виновато-взволнованный голос Урагана. Его пробуждение очень обрадовало Незнамку, о чём она тут же радостно ему сообщила. Оба они были в хорошем, каком-то лирическом настроении. Разговор покатился как под

горку: скоро, живо, эмоционально. Незнамка делилась своими страхами и переживаниями, бранила себя за бегство из дома. Ураган, напротив, хвалил её за мужество и авантюризм. Наконец, ему удалось рассказать тучке о собственных приключениях, и она выслушала его долгий монолог с непритворным интересом и жадностью. Они словно отбросили карикатурные маски и познакомились заново. Новые, они нравились друг другу гораздо больше!

*

Ночь пронеслась до обидного быстро. После трёх тридцати утра чёрное небо начало стремительно выцветать. А ровно в четыре из белой скорлупы облаков желтопёрым цыплёнком проклюнулось солнце. Незнамка посмотрела вниз, и сердце её сжалось. Но на этот раз не от страха, а от переполнявшей её любви к знакомым пейзажам.

Макушки берёз, осин, дубов, сосен и елей сливались в один бескрайний камуфляжный брезент с редкими проплешинами в виде мелких посёлков. Тучка не могла ни приблизиться к деверьям, ни почувствовать их запах, но она была счастлива уже тем, что видела не пальмы, баобабы, секвойи или мангры, а родной русский лес.

– Мы почти на месте, – объявил Ураган торжественно. – Вон там, за косогором, твой дом.

И он начал быстро снижать высоту.

От волнения Незнамку замутило, и она чуть было не потеряла сознание. Но страх пропустить появление из-за холма любимой деревни удержал её в равновесии.

И вот сквозь тюль облаков она угадала сначала непаханный луг, на котором паслись две коровы с телёнком, затем вырос чуть тронутый осенью сосновый бор, и наконец, показались все двадцать деревянных срубов – они ещё больше обветшали, а некоторые выглядели и вовсе заброшенными.

Между шеренгой домов и островком из сосен глубоким уродливым шрамом пересекало землю высохшее русло. Местами дно его выстилала потрескавшаяся глина, местами – галька, по краям уже всю росла трава и кустарник, и лишь в редких лужицах ещё стояла зацветшая вода. Поместиться и уцелеть в них могли разве что головастики да пиявки. Цапель и уток видно не было. А от бобровой хатки осталась лишь кучка обтёсанных веток.

– Ни рыбаков, ни детей, ни баб с вёдрами... А ведь раньше они до глубокой ночи толпились на берегу... – растерянно озираясь, констатировала Незнамка.

– А ты хотела застать их на прежнем месте? – поразился её наивности Ураган. – С тех пор как ты удрала, здесь всё изменилось. Многие бросили хозяйство и насовсем уехали из деревни, ведь поливать огороды теперь нечем. Остались одни старики, да и к тем больше не приезжают на каникулы внуки.

Неznamка беспомощно смотрела вниз и, как показалось Урагану, была близка к полному отчаянию.

– Что сделано, то сделано. Хватит себя корить, – твёрдо изрёк он. – В конце концов, все твои друзья уже давно отыскиали новый дом.

«Только не я...» – читалось в глазах Незнамки, в то время как сама она иступлённо молчала.

– Страшно! – вдруг шёпотом выдавила из себя тучка.

– Да тебе ли бояться! – наигранно пожурил её Ураган. – Ты побывала в разных концах мира, преодолела множество трудностей. И сейчас для тебя начинается просто очередное испытание. Ты не знаешь, что тебя ждёт, и это пугает? Но ведь год назад ты так же ринулась в полную неизвестность!

Ураган тараторил, боясь сделать малейшую паузу, но сам плохо верил в то, что говорил. Незnamка слушала его с какой-то отрешённостью и даже равнодушием, и он смущённо кончил бесполезный монолог. Каково же было его удивление, когда тучка во всём с ним согласилась.

– Да, ты прав, – благодушно сказала она, – пора вернуться на землю.

И следом уже очень серьёзно произнесла:

– Только я непременно хочу попасть в своё старое русло.

Ураган не стал ничего обещать, а только заботливо предупредил:

– Я крепко тебя обниму, но не сопротивляйся – это чтобы быстрее тебя уплотнить.

И не мешкая ни минуты, он принялся мутузить тучку, взбивая её в упругий шар. Так хозяйки месят руками тесто, доводя его до нужной консистенции. Стараниями Урагана Незnamка подсобралась и теперь казалась инородной серой заплаткой из дерюги на светлом батистовом небе. А на смену лёгкости и невесомости пришли болезненная тяжесть и липкая усталость.

«Скорей бы всё это кончить!» – в сердцах произнесла тучка. И в ту же секунду почувствовала, как миллионами миллионов дождинок посыпалась на землю. Будто оборвалась нитка бесконечно длинного ожерелья, и с неё градом хлынули водяными жемчужинами крупные капли.

Тёплым мягким дождём тучка оросила знакомые огороды и сосновый бор. И была счастлива каждой капелькой, когда те попадали в её пересохшее русло. Они впитывались моментально, лишь на минуты оставляя на обезвоженной земле мокрые следы.

Тётя Клава, выйдя со двора в армейском брезентовом плаще, вполне серьёзно и даже по-родственному обратилась к тучке: «Ну давай, милая, добавь ещё! Чтоб хоть сегодня не маяться с поливкой!»

Но силы Незnamки были на исходе. И без того скромный дождь стал быстро ослабевать. Тучка таяла на глазах, словно кто-то невидимой рукой ловко стирал её ластиком с голубого ватмана. Ещё несколько секунд – и она окончательно утонула в небе. Но путешествие Незnamки на этом не прервалось. Вот только проследить её дальнейший путь не под силу ни тёте Клаве, ни Урагану, ни даже автору этой сказки...